

полет пустельги

Сергей
Трифонов

секретный фаворит

Секретный фарватер (Вече)

Сергей Трифонов
Полет Пустельги

«ВЕЧЕ»

2014

УДК 821-311.3
ББК 84(2)

Трифонов С. Д.

Полет Пустельги / С. Д. Трифонов — «ВЕЧЕ»,
2014 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-8283-4

Сразу после окончания Второй мировой войны поползли слухи о том, что Гитлеру и ряду его приспешников удалось скрыться, инсценировав собственную смерть. Разведслужбы стран антигитлеровской коалиции потратили немало сил и средств на изучение этих легенд. Одними из первых этой проблемой занялись сотрудники советской военной разведки. Именно им удалось собрать важнейшие факты по поводу самоубийства вождя Третьего рейха. Особо ценные сведения оперативники почерпнули из допросов личного пилота Гитлера группенфюрера СС Ганса Баура, по прозвищу Пустельга, оказавшегося в советском плену по ранению...

УДК 821-311.3

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4444-8283-4

© Трифонов С. Д., 2014
© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Трифонов

Полет Пустельги

*«Нам недостаточно услышать только то,
что истинно, – нам надо услышать и то,
что мы стремимся узнать».*

Иммануил Кант

1

Воспоминания счастливого человека

– Господи! Красота-то, какая! Все белым-бело. Сады цветут. А запах, запах! Мария! Ты только вдохни. Закрой глаза и вдохни. Голова кружится. Нет, это весь мир кружится. Это май так пахнет. Нет, не май? Ах, да, конечно, это запах твоих волос. Май – это ты, моя любовь.

Мариенплац. 13 мая. Мы выходим из величественного здания Ратуши, на башне которой под часовой перезвон нас приветствуют движущиеся фигурки. Только что обер-бургомистр Мюнхена объявил нас мужем и женой. Мария восхитительна. Высокая, стройная, с тщательно уложенными золотыми волосами, огромными голубыми глазами и чувственными губами. На ней шикарное белое платье с глубоким вырезом, обрамленным мехом белого колонка. С огромным букетом из тридцати трех роз она, безусловно, магнит внимания всех участников брачной церемонии. Ее лицо одновременно выражает и смятение, и радость. Она счастлива. Безмерно счастлив и я.

Больше сотни приглашенных гостей, родственники и просто зеваки столпились на ступенях ратуши. Шаферы не успевают относить в автомобили брачного кортежа букеты цветов. Мария пугается частых вспышек фотокамер и хлопков открываемых бутылок шампанского, и всякий раз пытается закрыть лицо цветами. Все это весело и забавно.

Жаль, что не приехал отец Марии. Это вызвало пересуды. Моя мама бросает укоризненные взгляды на сватью и сердито делает губы трубочкой. Думаю, что она больше озабочена не отсутствием свата, а сохранившейся красотой сватьи, которая в свои пятьдесят выглядит чертовски привлекательно. В Марии отражаются природные достоинства матери. Мне лестно, что мои друзья, пусть даже в шутку, намекают о готовности приударить за моей очаровательной тещей.

Между тем теща выглядит не просто смущенной. Ее лицо выражает грусть. Глубокую, поженски затаенную грусть и еле уловимый страх. Ее движения скованы. Однако я воспринимаю это как материнские переживания за судьбу единственной дочери. Ведь она выходит замуж за известного в Германии человека, уже бывшего женатым и потерявшего любимую супругу. От первого брака осталась дочь. Как все сложится?

Праздничный обед был недолгим, но по старой баварской традиции с обильным столом. К ледяному «Корну» подавали холодные закуски: перепела и бекасы с зеленым орехово-чесночным соусом, норвежские семгу и палтус, гамбургский копченый угорь и кёнигсбергские маринованные миноги с зеленью. Баварские окорока и ветчина заранее не резались. Каждый отрезал себе такие ломти, какие были по вкусу. Украшением стола были хрустальные салатницы, доверху наполненные черной осетровой икрой и красной лососевой из Ирана и России.

Горячее было на выбор: жареный карп с овощами, тушеная оленина с шампиньонами, рагу из мяса дикой козы. Мама, сидевшая за столом по левую руку от меня, ворчала, при этом мило улыбаясь гостям:

– Ты расточителен не по-немецки. Прямо какой-то индийский раджа. Ты что, и дальше собираешься так проматывать свои деньги?

– Мама! Моя любимая мама! – Я обнял ее за плечи и поцеловал в напудренную щеку. – Обещаю, это будет последний роскошный обед в моей жизни. Мы с Марией станем самыми скромными и экономными немцами. Нашей повседневной пищей будут картофель, сосиски и дешевое пиво.

Мама рассмеялась и весело хлопнула меня по носу льняной салфеткой. Всем это очень понравилось. Гости зааплодировали и немедленно предложили тост за маму.

Затем все внимание мамы переключилось на зятя Макса, который, как всегда, сумел за несколько минут, не закусывая, опустошить целый графин шнапса и громко требовал установить порядок произнесения тостов. Сестра Мария, грациозная блондинка, словно ангел с рождественской открытки, смущаясь гостей, безрезультатно пыталась уговорить мужа. Тогда в дело вступила мама. Ей было достаточно строго произнести: «Макс! Пора бы и закусить. Спиртного тебе достаточно». Бедный Макс весь обмяк. Уставился в тарелку и стал без разбору поглощать закуски, предусмотрительно подкладываемые супругой.

Через полтора часа мы с Марией распрощались с гостями и уехали в отель «Сплendid-Дольман», где мною были заранее заказаны апартаменты. Я специально выбрал этот один из самых замечательных и уютных отелей Мюнхена, который стоит между Максимилианштрассе, с ее нескончаемой вереницей магазинов, магазинчиков и лавочек, и Английским садом. Я полагал, что наши с Марией послесвадебные похождения по магазинам обязательно должны заканчиваться отдыхом в тенистых аллеях Английского сада, где нам никто не будет мешать говорить и говорить о нашем счастливом будущем.

Так прошло 13 мая тридцать шестого года. Мы уснули под утро, когда дворники стали наводить лоск на древние улицы города.

Ближе к полудню мы сидели в открытом кафе под зеленым бархатным навесом на Кауфингштрассе. Ели знаменитые белые баварские сосиски с жареным горохом, пили озорное пиво «Хофброй» и глазели на непрерывный поток прогуливавшихся. Молодое пиво пьянило. Пьянил теплый ароматный майский день и уют летнего кафе. Пьянила своей молодостью, красотой и близостью Мария. Это и было счастье...

Берлин. 28 апреля 1945 года

От грохота залпов 203-миллиметровых гаубиц артиллерийского полка Резерва Главного командования в классной комнате двухэтажного школьного здания, чудом уцелевшего на северной окраине Берлина, ничего не было слышно. Человек двадцать офицеров сидели на чем попало. Полковник МIRONЕНКО, начальник отдела военной контрразведки Смерш 3-й ударной армии, охрипнув от ора и потеряв всякую надежду быть услышанным, написал мелом на классной доске: «Всем спуститься в подвал».

По битому стеклу, хрустевшему под ногами, обломкам школьной мебели и осыпавшейся штукатурке офицеры добрались до ступенек, ведущих в подвал, спустились вниз. Из полумрака на них с ужасом смотрели десятки глаз. У дальней стены подвала сгрудились женщины, дети, старики, раненые немецкие солдаты.

– Убрать всех! – скомандовал полковник МIRONЕНКО. – Объяснить, что мы ненадолго.

Автоматчики взвода охраны быстро, не обращая внимания на крики женщин и детей, стоны раненых, очистили подвал.

– Слушать внимательно, – успокоившись и отдышавшись, заговорил МIRONЕНКО. – Приказом начальника Управления военной контрразведки 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта Вадиса созданы армейские оперативно-розыскные группы для поиска Гитлера и высших чинов Рейха. Командиром группы нашей 3-й ударной армии назначен мой заместитель полковник Грабин Александр Васильевич. В состав группы входят офицеры отдела контрраз-

ведки армии и военные переводчики. Численность группы 28 человек. Подчеркиваю: группа головная, если хотите, – штаб. В отделах контрразведки корпусов сегодня же должны быть созданы свои оперативные группы. В оперативном отношении они будут подчиняться полковнику Грабину. Головной группе придается рота автоматчиков отдела Смерш армии, саперный взвод, взвод связи, санитарная группа, восемь легковых и тридцать две грузовых автомашины. Все остальные указания получите у полковника Грабина. Вопросы есть? Вопросов нет. Все свободны. Александр Васильевич, задержись.

Полковник Грабин, высокий, статный, в выглаженной полушерстяной гимнастерке с двумя рядами орденов и тремя нашивками за ранения, открыл блокнот.

– Александр Васильевич, – Мироненко закурил папиросу и протянул коробку «Казбека» Грабину, – связь каждые три часа. Подбирай всех и все, что найдете. Свозите в штаб армии под усиленной охраной. Вперед, к центру, выдвини опергруппы с лучшими чистильщиками¹. Времени у нас с тобой в обрез. С часу на час наши возьмут центр города. Когда бои прекратятся, здесь тут же появятся высшие чины НКВД, скорее всего, и сам Серов, оперативники из ГУПВИ². Перешерстят весь Берлин. Абакумов и Вадис нам с тобой не простят, если те найдут кого-либо или что-либо раньше нас. Запомни это. Действуй по обстановке. Не горячись. Приказ командарма о поддержке твоей группы уже в войсках. Полковой, дивизионной и корпусной разведке поручено обо всем интересном или подозрительном докладывать только тебе. Ну, с богом. – Мироненко докурил, растоптал сапогом окурки и уехал.

Грабин вновь собрал офицеров. Разделил головную оперативно-розыскную группу на четыре группы, назначил командиров. Распределил автотранспорт. Установил график выхода на связь. Обозначил на карте Берлина зоны ответственности каждой группы.

– Прошу вас не метаться, не паниковать, не впадать в уныние от возможных отрицательных результатов поиска. Работа новая, незнакомая, но вы – народ тертый, ловкий и сообразительный. На ходу подметки срежете.

Офицеры, довольные такой характеристикой, не часто даваемой начальством в их адрес, одобряюще загудели.

– Кроме туристических карт города и понимания того, что верхушка Рейха может находиться в имперской канцелярии, а может быть, и нет, – продолжал Грабин, – мы больше ничем не располагаем. Любой отрицательный результат рассматривать как результат продуктивный. Будьте крайне собранными, обращайте внимание на мелочи, умеете в показаниях пленных читать между строк. Старайтесь при задержании и допросах военных и гражданских лиц в канцелярии и вокруг нее, а также в центральных районах Берлина выстраивать цепочку связей, ведущих к Гитлеру пусть даже косвенными путями. Все документы, которые удастся найти, немедленно переправлять мне. Все за работу. Удачи.

Группа майора Савельева, заместителя начальника розыскного отделения отдела контрразведки армии, оказалась одной из передовых. Она действовала в полосе наступления 207-й стрелковой дивизии 79-го стрелкового корпуса, в которой еще три месяца назад Савельев занимал должность начальника отдела военной контрразведки. К полудню группа просочилась в довольно вместительный подвал здания, разрушенного союзнической авиацией и советской артиллерией. Это был один из павильонов парка Тиргартен, в районе которого шли ожесточенные бои за каждый квадратный метр. Контрразведчики продвигались к месту своей временной дислокации более пяти часов. Следовали за штурмовыми группами пехоты и саперов, форсировавшими Шпрее на подручных средствах чуть западнее моста Мольтке, бой за овладение

¹ Чистильщик – жаргонное выражение, применявшееся в органах военной контрразведки и государственной безопасности при обозначении оперативных сотрудников розыскных подразделений.

² ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР.

которым вели части 150-й стрелковой дивизии. Перебравшись на южный берег, Савельев увидел слева, метрах в шестистах, здание Рейхстага, тонувшего в дыму от разрывов снарядов.

Стоял страшный грохот, все горело, рушились вековые деревья парка, загроможда собой и до того уже непроходимые аллеи. Дышать было трудно из-за гари и цементно-кирпичной пыли.

В подвале перевели дух. Связисты немедленно стали налаживать телефонную связь. Осматривая подвал, саперы наткнулись на мирных жителей. У них не было ни воды, ни пищи, но напуганные и голодные дети не плакали.

Лейтенант Сизова, военный переводчик группы, стала успокаивать немцев:

– Потерпите немного. Скоро все закончится. Осталось недолго.

К ней с опаской придвинулась пожилая дама, укутанная в порванный, обгоревший по краям плед, и тихо сказала:

– Фрэйлейн, здесь много раненых, в том числе детей. Что с нами будет?

Она протянула девушке геббельсовский «Фронтвой листок» за 27 апреля: «Браво вам, берлинцы! Вы выстоите. Подмога уже движется к вам».

Сизова доложила командиру о немцах. Савельев велел старшине Кухаренко выдать немцам хлеб и консервы, бочку с водой, мыло. Санитары стали осматривать и перевязывать раненых.

До наступления темноты майор с бойцами группы несколько раз выбирался из подвала и пытался определить по карте направление, в котором нужно было двигаться к Вильгельмштрассе, где располагалась имперская канцелярия. Он понимал, она где-то рядом, за Рейхстагом, чуть правее их местоположения. Однако все попытки оказались безрезультатными. Разрушения и пожарища были такими, что карта помочь не могла. Тогда майор обратился к немцам:

– Нам необходимо пробраться на Вильгельмштрассе, 77–78, к имперской канцелярии. Кто может указать направление движения?

Немцы молчали, но когда Савельев отошел, в душе сожалея о своем обращении, к нему приблизился сухощавый, бодрого вида старичок и так, чтобы никто не слышал, предложил свои услуги:

– Господин офицер. Я местный житель и, ко всему прочему, мастер районной телефонной станции. Правда, уже давно на пенсии. Я могу помочь вам пройти по кабельным каналам, если они не заминированы эсесовцами. Здесь недалеко. Вы только моей жене ничего не говорите. Очень будет переживать. Мы тут с невесткой и внуками. Сын погиб еще в феврале в Восточной Пруссии. Я ей скажу, что за водой пошел.

– Спасибо. Мы отблагодарим вас, – Савельев велел старшине Кухаренко авансом выдать старику и его семье продуктов по офицерской фронтовой норме на трое суток.

– Да вы что, товарищ майор?! У нас, что, лишнее? Чего мы их кормить подрались? – Старшина сделал большие глаза и возмущенное лицо. – Ну, ладно еще завтра, когда путь покажет. А чего сегодня-то?

– Кухаренко, ведь ты вроде бы человек женатый?

– Ну да. Вы же знаете.

– И дети у тебя есть?

– Вы же знаете. Трое у меня.

– Так зачем ты мне глупые вопросы задаешь? Завтра, а возможно, и сегодня ни нас, ни этого немца с его голодными внуками в живых не будет. Марш исполнять приказ!

Савельев от усталости валился с ног и ничего так не желал, как укутаться в шинель и лечь спать в углу этого подвала. Спать не пришлось. С полуночи разведчики стали доставлять в подвал пленных, и начались непрерывные допросы. Переводчицы работали поочередно: два часа лейтенант Сизова, два часа старшина Лейерт. В перерывах девушки мгновенно засыпали на раскладушке, заботливо приготовленной старшиной Кухаренко. Старшина – старый солдат,

воевавший с Финской кампании, относился к переводчицам, как к родным дочерям. Подсовывал лучшие куски во время еды, кормил шоколадом, уверяя, что от него гуще растут девичьи брови.

Постепенно из отрывочных сведений пленных, из сообщений фронтовой разведки и показаний гражданского населения, вырвавшегося из района ожесточенного сражения в центре Берлина, картина прояснялась. Оборону имперской канцелярии держала сводная войсковая группа бригадефюрера СС Монке, усиленная артиллерией и танками. Ее основу составляли батальоны СС, подразделения морской пехоты и части берлинского гарнизона. Им помогала бригада гитлерюгенда под командованием рейхсфюрера молодежи Аксмана. Входы защищала особая рота СС, сформированная из гималайцев. Внешний периметр огромного здания рейхс-канцелярии обороняли сводные роты остатков элитного караульного полка «Великая Германия Берлин», механизированной дивизии СС «Нордланд», а также разрозненные подразделения пехотинцев, саперов, связистов, тыловых служб 56-го танкового корпуса генерала Вейдлинга, руководителя обороной Берлина. Их поддерживали десяток танков и штурмовых орудий.

Однако потери обороняющихся были колоссальными из-за огня советской артиллерии, танков, минометов. В ротах оставалось не более тридцати солдат. Подкреплений не было, так как русские плотным кольцом сжали центральный район города: Моабит, Тиргартен, Зоосад, Вильгельмштрассе, Кенигсплац с рейхстагом и комплекс правительственных зданий на Вильгельмштрассе. Продовольствие и боеприпасы, особенно снаряды, патроны и ручные гранаты, были на исходе. Но все дрались до последнего патрона, так как в равной степени боялись и русских, и эсесовцев.

Между тем никто из пленных не мог с точностью ответить на вопрос, где в данный момент был Гитлер, хотя все в один голос утверждали, что слышали 23 апреля по радио о том, что фюрер находился в Берлине. Об этом же писали последние геббельсовские фронтовые листки.

Так продолжалось до вечера 29 апреля.

Повествование о счастливом человеке

Была Пасха 1907 года. Бауры, как все добропорядочные швабские бюргеры, гуляли по городу. Хозяин семейства, будучи человеком правильных, а именно – традиционных взглядов, опорожнил уже далеко не одну кружку старого доброго «Хофброя». Теперь он – вполне счастливый – вместе с супругой сидел за столиком летнего кафе, подремывал, периодически пытался читать утреннюю газету и рассеянно наблюдал за своими детьми.

Дочь Мария и младший сын, плескавшиеся у фонтанчика Фишбрунен, озорничая, с опаской поглядывали на все замечавшую матушку. Десятилетний Ганс сидел на корточках и внимательно всматривался в прозрачную голубизну весеннего мюнхенского неба. Он следил за черной точкой, которая, появившись над городом, стремительно росла, превращаясь в птицу. Но у этой странной птицы было не два, а четыре крыла и вместо клюва что-то быстро вращалось. «Птица» пролетела над мюнхенским собором Святого Петра, издавая легкий треск. На нее были обращены взоры публики, заполнившей площади и улицы города. Люди с восторгом махали ей руками, шляпами и платками, кто-то зазывал ее приземлиться. Фрау Баур, крестясь, удивленно глядела на летающую невидаль.

Пожилой, дородного вида, с пивным животом и густыми прокуренными усами полицейский вахмистр, придерживая левой рукой гремящую о брусчатку саблю, размахивал правой, объясняя любопытной толпе фигуры пилотажа этого летающего предмета, которого он называл аэропланом. Ганс протиснулся сквозь толпу к полицейскому, внимательно выслушал его пояснения и громко спросил:

– Простите, господин вахмистр! Если я вас правильно понял, этим аэропланом управляет человек? Значит и я смогу им управлять?

Полицейский выпучил на Ганса большие добрые глаза, приподнял двумя пальцами подбородок мальчика и сказал:

– Да, мой юный господин, и ты сможешь управлять такой механической птицей. Но для этого нужно долго и хорошо учиться, любить своих родителей, своего кайзера, свою замечательную родину. Сейчас этим аппаратом управляет именно такой господин.

– Спасибо, господин вахмистр. Я обязательно выучусь. А своих родителей, сестру, брата и кайзера я и так люблю.

В толпе раздались одобрительные и умиленные возгласы, а вахмистр, порывшись в кармане, извлек оттуда связку ключей, отсоединил от нее тяжелый медный брелок в виде распростершего крылья орла и вручил его Гансу.

– Это тебе на память, сынок. Ты обязательно будешь пилотом. Лучшим пилотом Германии.

Ганс сдержал свое обещание. Он учился упорно и с интересом. Математика, физика, химия и черчение стали его любимыми предметами. Он ежегодно приносил домой похвальные листы по окончании учебного года, был неоднократным победителем конкурсов учащихся Мюнхена и Баварии по физике и математике. Однако в выпускном классе он окончательно понял, что стать военным летчиком, а других тогда в Германии не готовили, ему не удастся. В летную школу принимали только по окончании военного училища. А шансы поступить туда у него были мизерные. По неизменной германской традиции военная профессия являлась делом семейным, наследственным. Кадровыми офицерами становились отпрыски дворянских офицерских семей. Даже на государственный кошт в военные училища попадали главным образом дети из бедных дворянских родов или офицеров недворянских кровей. Ганс люто возненавидел чванливых офицеров-дворян, а заодно и всю аристократию вместе взятую.

Учитель математики Петер Кнопски, искренне любивший Ганса, советовал ему вначале поступить добровольцем в армию и только затем пытаться пробиться в военное училище. Совет, конечно, был зыбкий, но мечту поддержать мог.

Семья Бауров жила весьма скромно. На оклад отца, почтового служащего, и периодические заработки матери, которая шила соседям, семья могла сносно питаться, скромно одеваться и снимать недорогую, но уютную квартиру в Мюнхене. На оплату учебы Ганса в университете средств не имелось. Поэтому на семейном совете решили: юноша после окончания школы пойдет помощником продавца в скобяную лавку, хозяином которой был Йоган Хольман, старый друг отца и его товарищ по военной службе в четвертом Баварском пехотном полку. А там – как бог даст.

Работа в лавке Гансу поначалу нравилась. Собственно, это была вовсе и не лавка, а небольшой магазин скобяных товаров, где также продавались велосипеды, пишущие и швейные машинки, кофемолки и другая бытовая техника. Первый месяц дядя Йоган дал мальчику оглядеться, познакомиться с товаром, а затем уже приставил к продавцу и постепенно стал допускать к прилавку и кассе.

Ганс, работая в лавке, ежедневно познавал технические премудрости бытовых механизмов, их узлов, деталей, принципов работы. Он неплохо разбирался в металлах, много читал об их соединениях, прочности, вязкости, хрупкости, проблемах коррозии. Вообще чтение книг по сопротивлению материалов, теоретической механике, физике, химии, баллистике, аэродинамике, оптике стало его обычным занятием, которому он отдавал любую свободную минуту, чем вызывал раздражение продавцов лавки. Им было невдомек, как обеденный перерыв с неизменным большим бокалом холодного живительного пива и доброй порцией тающих во рту баварских сосисок, густо намазанных кисло-сладкой горчицей, можно променять на чашку кофе с булочкой и чтение каких-то заумных книг.

Первые заработанные тридцать марок Ганс отдал матери и попросил ее купить себе что-нибудь в подарок. Мать обняла сына, всплакнула, пообещала сделать, как он велел. Затем,

отсчитав десять марок на обеды сыну, остальные спрятала до лучших времен. И так она поступала всегда.

Для Ганса Баура Первая мировая война началась неожиданно. Он не читал газет, не посещал встреч выпускников, не прислушивался к спорам посетителей лавки, не замечал в своей бургерской среде роста милитаристских и националистических настроений. Он был занят гораздо более важными для него делами: готовился стать пилотом и был охвачен жарким дыханием первой любви.

Правда, это только ему так казалось, что он случайно встретил самую красивую и умную девушку на свете. У Бауров ничего случайного быть не могло. Родители по обоюдному уговору решили познакомить сына с единственной дочерью их старых приятелей из Ампфинга. Отец девочки держал в городке приличную пивную и владел небольшим, но уютным домом, увитым диким виноградом и утопавшим в старом ухоженном саду.

В одно жаркое августовское воскресенье вся семья отправилась утренним поездом в родной для Бауров Ампфинг якобы для посещения могил родичей. На перроне вокзала их встречали фрау Бюхнер с шестнадцатилетней дочерью Анхель.

Ганс был невысокого роста – всего-то метр семьдесят, и найти ему пару среди рослых крепких молодых баварок было делом не из легких. Анхель оказалась его самую малость ниже. Ее русые волосы были заплетены в короткую толстую косу. Открытый лоб, глаза, в которых искрились смех и лукавство, задорный чуть курносый носик, очаровательные ямочки на щеках мгновенно сделали свое дело – Ганс ощутил, как забилося его сердце. Когда после знакомства девушка сделала ему книксен, он что-то растерянно пробормотал в ответ.

Воскресенье явно удалось, довольными остались все. Дочь и младший сын Бауров носились за хозяйскими щенками в саду. Мужчины, начав с посещения пивной Бюхнеров и отведав там изрядные порции местного пива, продолжали дегустацию в тенистой прохладе сада. Дамы сразу после обеда куда-то исчезли и появились с заговорческим видом накануне отъезда гостей.

Анхель с Гансом гуляли по городу. Девушка болтала ни о чем, и Ганс впервые за долгое время забыл о премудростях нарождающейся авиации. Он слушал мелодичный голос своей новой подруги, любовался ее стройной фигурой и крепкими точеными ногами, вдыхал аромат девичьей свежести. Он не заметил, как они оказались в пригородном парке.

На длинной скамейке, выкрашенной в белый цвет, Анхель запросто села к нему на колени, обняла за шею и одарила его долгим поцелуем. Потом, прищурившись, спросила:

- У тебя ведь не было еще женщин?
- Нет, – в смущении признался Ганс.
- Отлично! Я буду твоей первой...

Берлин. Апрель 1945 года

Берлин. Наравне с Лондоном и Парижем, крупнейший культурный центр Европы. Город театров, музеев, архивов и библиотек, лучших европейских клиник и научно-исследовательских институтов, знаменитого университета. Город художников и музыкантов, актеров и ученых, чиновников и дипломатов, банкиров и бизнесменов, военных и полицейских, рабочих и лавочников, инженеров, адвокатов, архитекторов. Город идеальной бытовой чистоты и сотен публичных домов. Как любой мегаполис, арена деятельности бесчисленных карьеристов, мошенников и авантюристов.

До 1933 года Берлин отличался высоким уровнем веротерпимости и политической толерантности. Этот четырехмиллионный город стал убежищем не только для десятков тысяч русских эмигрантов, но и для множества политических беженцев со всего света.

В Берлине уживались архитектурные стили всех времен, но застройка занимала только одну шестую часть его колоссальной площади в сто тысяч гектаров. Остальная территория принадлежала восхитительным паркам, скверам, садам, аллеям. Несмотря на то, что город

был средоточием немецкой промышленности, дышалось в нем легко и свободно. Берлинцев надежно защищали мощные лесопарковые легкие города, равно как и водные артерии. Берлин был городом мостов. Шпрее, пересекаящая Берлин с юго-востока на северо-запад, десятки искусственных каналов с берегами, обрамленными в гранит и бетон, множество живописных озер и прудов придавали городу особую привлекательность.

Столица Германии являлась транспортным узлом европейского масштаба. В городе и его пригородах располагалось 12 аэропортов, три из которых были международными. В Берлине сходились пятнадцать железнодорожных линий, круглосуточно работали тридцать вокзалов. Метро имело самую большую протяженность в Европе – более ста километров. Весь комплекс общественного транспорта, включавший помимо метро трамваи, автобусы, такси, действовал без перебоев, как единый отлаженный механизм.

Весной Берлин был окутан волшебными ароматами цветущих деревьев, бесчисленных цветов в клумбах и альпинариях, в городских парках, на улицах и площадях, в палисадниках под окнами домов, на балконах. Они смешивались с запахами парфюмерных магазинов и лавок, сотен пекарен, кондитерских, кофеен. Всегда деловые, подтянутые и вежливые берлинцы отличались отзывчивостью, оптимизмом и преданной любовью к своему городу.

И этот прекрасный город вместе со всей Германией был брошен нацистами в дьявольскую топку гитлеровского эксперимента. К 23 апреля 1945 года, когда первые подразделения 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов маршалов Жукова и Конева ворвались в Берлин с севера, востока и юга, он уже был основательно разрушен массированными бомбардировками союзной авиации.

С 1943 года союзники методично бомбили город два раза в сутки: утром – американцы, с наступлением темноты – англичане. Берлин почернел от сажи: столбы дыма высоко поднимались над разрушенными кварталами. Многие улицы превратились в непроезжие лабиринты, изрытые воронками, заваленные битым кирпичом, глыбами бетона, скрученными прутьями арматуры. Более половины из полутора миллионов зданий были разрушены. Почти двадцать квадратных километров густонаселенных кварталов покинуты людьми.

Больше всего пострадал центр. На Унтер-ден-Линден уцелело лишь несколько домов. Правительственные здания на Вильгельмштрассе представляли груды развалин. Практически не пострадал только трехэтажный кремового цвета корпус в форме буквы «Г», в котором размещалась имперская канцелярия.

Неподалеку, на Фосштрассе, стоял огромный комплекс зданий новой рейхсканцелярии, занимавший территорию от Вильгельмсплац до Герингштрассе. Введенный в строй в марте 1939 года, он представлял яркий образец архитектуры нацистской Германии. Мания величия Гитлера реализовалась в архитектурные формы колоссальных размеров и невиданной роскоши. Так, кабинет фюрера имел в длину 27 метров, в ширину более 14, в высоту почти 10. Главные здания комплекса незначительно пострадали во время бомбардировок, но в обширном внутреннем дворе были полностью уничтожены сад, оранжерея и чайный павильон Гитлера.

На Курфюрстендам чернел остов некогда величественного собора, построенного в память кайзера Вильгельма. А невдалеке от него лежал в руинах всемирно известный Берлинский зоопарк. Окружавший зоопарк Тиргартен, красивейший парк города, уничтоженный бомбами союзников, представлял собой жалкое зрелище.

В городе погибло или обгорело большинство деревьев. Пыль, не оседавшая даже под дождем, была для берлинцев страшным бичом: она забивалась в заселенные подвалы и бомбоубежища, клубилась в операционных госпиталей, хрустела на зубах.

Но, несмотря ни на что и, казалось бы, вопреки всему, город жил. До 25 апреля исправно работали электростанции, водопровод, газоснабжение, телефонная и телеграфная связь, метро и трамваи. Почтальоны носили почту, дворники убирали мусор, полицейские несли службу.

Были открыты кинотеатры, театры, рестораны, кафе, пивные и бары. Знаменитый берлинский симфонический оркестр приглашал горожан в филармонию на закрытие концертного сезона. Универмаги и крупные магазины объявляли о сезонной распродаже одежды и обуви. Без перебоев функционировали бани, парикмахерские, химчистки, прачечные, швейные и фотоателье. Более полумиллиона берлинцев ежедневно выходили на работу. Домохозяйки выстраивались в очереди в продуктовые магазины и лавки. Большинство мирных жителей столицы Германии не верили или не желали верить в худшее, не осознавали, что в тридцати километрах восточнее Берлина стояла полуторамиллионная Красная армия, что штурм города неминуем, и далеко не все берлинцы его переживут.

Командование вермахта было не в состоянии обеспечить оборону города силами немногочисленных строевых частей столичного гарнизона. Под мощным напором Красной армии главные боеспособные соединения армии и СС обходили Берлин с юга и севера и с боями упорно продвигались на запад, намереваясь сдаться американско-английским войскам. В Берлине оставались батальоны фольксштурма³, гитлерюгенда⁴, полиции, пожарников, строителей, в которых насчитывалось около ста тысяч человек. Кадровые подразделения вермахта⁵, морской пехоты, люфтваффе⁶ и СС – всего около двадцати тысяч человек – составляли костяк обороняющихся. Не хватало горючего, боеприпасов, средств связи, медикаментов и продовольствия. Однако гауляйтер⁷ Берлина Геббельс всякий раз обрывал генерал-майора Хельмута Реймана, командовавшего обороной города, когда тот предлагал начать эвакуацию мирного населения и укрепление города:

– Генерал! Я не позволю сеять панику среди населения. Берлин никогда не будет сдан русским!

Очевидно, у Геббельса имелись свои расчеты. Тем не менее город был серьезно подготовлен к обороне. Десятки прочных баррикад перекрывали основные магистрали, транспортные узлы, перекрестки и развязки города. Более пятидесяти танков, врытых в землю, прикрывали подходы к центру. Практически все мосты были заранее взорваны, а оставшиеся надежно защищены предмостными укреплениями и узлами обороны. Защитники города располагали огромным количеством ручных противотанковых средств и в первую очередь реактивных гранатометов одноразового использования, фаустпатронов, от которых не было никакого спасения для бронетанковой техники.

Город разделили на несколько десятков секторов обороны. Все здания, сооружения, заборы, подвалы, подъезды, станции метро превратили в опорные пункты сопротивления. Живым заслоном для наступающих советских войск оставалось более двух миллионов мирного населения, которому просто некуда было деться.

Повествование о счастливом человеке

В конце августа 1914 года Ганс Баур окончательно решил записаться добровольцем в армию. Он собирался отправиться на фронт не только для того, чтобы защищать интересы кайзера и Германии, но и чтобы начать продвижение к своей заветной мечте стать пилотом. Две недели он вел изнурительные споры с отцом, который был категорически против планов сына. Отец считал, что ему, семнадцатилетнему юноше, еще рано таскать солдатский ранец. Да и вообще он не ставил ни пфеннига за мечту сына выучиться на летчика и стать офицером кайзеровских воздушных сил. Ганс виделся ему преуспевающим бизнесменом средней руки, вла-

³ Фольксштурм – подразделения народного ополчения.

⁴ Гитлерюгенд – нацистская организация немецкой молодежи, созданная в 1936 г.

⁵ Вермахт – вооруженные силы Германии с 1935 г. по май 1945 г.

⁶ Люфтваффе – военно-воздушные силы гитлеровской Германии.

⁷ Гауляйтер – руководитель гау, административно-территориальной единицы гитлеровской Германии.

деющим несколькими магазинчиками, собственным домом в Мюнхене, членом бургомистра. Мать молчала, в душе одобряя планы сына. Она верила в его счастливую звезду и знала, что он унаследовал ее упрямый твердый характер, который поможет ему добиться своей цели.

Поддерживала Ганса и очаровательная Анхель, готовая стать в будущем офицерской женой. Ее не смущала перспектива длительного отсутствия возлюбленного. Маленький Ампфинг наводнили войска, и недостатка в молодых, рослых, опытных и нахальных парнях не было. По вечерам в солдатских казино не смолкала музыка, пиво лилось ручьем, девушки не уставали от танцев и романтических приключений. Страсти поулеглись только тогда, когда в городке прошел слух, что венерическое отделение местного лазарета уже переполнено.

И вот одним ранним утром, не сказав ни слова родным, Ганс сел на поезд, доставивший его на юг Баварии, в Кемптен, где квартировались части Баварской гренадерской дивизии. На контрольно-пропускном пункте учебного пехотного полка его остановили дежурные солдаты:

– Парень! С тобой и разговаривать-то не станут. Во-первых, тебе только семнадцать. Во-вторых, таких низкорослых и тощих в гренадеры не берут. Отправят домой, велят отъездаться и пивом укреплять свою слабую плоть.

– Пропустите, и мы еще посмотрим, кого возьмут, а кого нет, – распалял себя Баур, но уверенности в нем поубавилось.

В пункте рекрутского набора его принял немолодой высокий сухощавый фельдфебель, которого, по словам солдат, боялись в части все, даже офицеры, за страстную любовь к дисциплине. Однако фельдфебель на вид не показался Гансу чрезмерно строгим. Он спокойно и внимательно просмотрел его документы, в том числе почетные дипломы за победы на конкурсах по физико-математическим дисциплинам в средней школе, потом сложил бумаги в синюю коленкорную папку, завязал ее и отодвинул на край стола.

– Молодой человек, скажите мне честно, вы действительно желаете попасть на фронт или у вас имеются иные планы и цели? С такими знаниями по математике, физике и химии вам следовало бы делать кадровую военную карьеру.

Фельдфебель расположил к себе Ганса приветливым обращением, и тот уже было поверил старому вояке в стремлении помочь ему. Он искренне признался:

– Конечно, господин фельдфебель, я желаю служить своей родине. Но, кроме того, я мечтаю стать военным летчиком и понимаю, что единственный путь к этой цели – честная солдатская служба, после которой у меня появится возможность учиться на летчика.

– Вот что я вам скажу, мой дорогой юноша, – фельдфебель поднялся из-за стола, заложил руки за спину и стал прохаживаться по комнате. – Записать вас добровольцем я не могу. Вам еще нет восемнадцати. Ваш рост и вес также не способствуют выполнению воинского долга. Вам будет не под силу таскать полное снаряжение солдата, да еще и винтовку с патронами. Забирайте свои документы, возвращайтесь домой, работайте, изучайте воинские уставы, занимайтесь спортом, усиленно питайтесь. Через год постарайтесь подать рапорт в одну из авиационных частей, дислоцирующихся в Баварии. Больше, к сожалению, ничем помочь не могу.

Ошеломленный и раздавленный Ганс вернулся домой. Мать не могла не заметить, что он находился в скверном душевном состоянии, ни с кем не разговаривал и практически ничего не ел. Вечером она вошла к нему в комнату, села на кровать и своими участливыми расспросами вынудила его к признанию. Выслушав Ганса, она ласково сказала:

– Дорогой мой, ничего страшного не случилось. Фельдфебель указал тебе правильное направление движения. Поверь материнскому чутью: у тебя все будет отлично. Ты станешь не просто летчиком, а самым знаменитым летчиком Германии. Ты будешь счастливым человеком, а вместе с тобой буду счастлива и я.

Ганс вернулся к работе в опостылевшей ему лавке, но всю свою жизнь подчинил мечте. В свободное время он занимался ремонтом велосипедов, пишущих и швейных машинок, учился слесарному делу, в библиотеке перечитал все книги по авиации. Два раза в неделю посещал

муниципальный гимнастический зал, накачивал мышцы, прыжками на батуте укреплял вестибулярный аппарат. Он из всех сил старался набрать вес. По утрам съедал горячие булочки, испеченные матерью, запивая их молоком. На обед брал в ближайшей от лавки пивной картофельный салат с майонезом, тушеную капусту с сосисками и кружку пива. За домашним ужином налегал на копченую свинину, бигос, зельц.

Через год Ганса было не узнать. Хотя роста в нем прибавилось совсем немного, из хилого подростка он превратился в лобастого уверенного в себе крепыша. В сентябре 1915 года, набравшись храбрости, он написал письмо самому кайзеру с просьбой помочь в поступлении на службу в запасной авиационный дивизион в Шляйссхаме.

Вскоре пришел ответ, но не из кайзеровской канцелярии, а все из того же Шляйссхама. Ганса Баура извещали, что его обращение перенаправили в запасной авиационный дивизион. Однако в связи с тем, что штат дивизиона был полностью укомплектован, принять его на службу в данный момент не представлялось возможным. В конце стояла, как показалось Гансу, малообещающая стандартная фраза: «В случае необходимости мы обратимся к Вам».

Взбешенный Баур скомкал письмо и бросил его на пол, но ярость быстро улеглась. Он поднял бумагу, тщательно ее разгладил и аккуратно положил в синюю коленкоровую папку, в которой хранились документы будущего летчика.

Вечером Баур написал новое письмо кайзеру с просьбой принять его на службу в морскую авиацию. В письме, не стеснясь, он расписал все свои знания и умения, нахально утверждая, что такими парнями, как он, Его Величество разбрасываться не должен.

Ответ из Берлина пришел на удивление быстро. Военно-морское ведомство предлагало ему срочно прибыть в Вильгельмсхафен для прохождения службы в авиационном полку Военно-морских сил Рейха. А через два дня, заполненных радостными суматошными сборами, почтальон принес еще одно письмо, в котором содержалось предложение поступить во вновь сформированную запасную авиационную эскадрилью в Шляйссхаме. Ганс ликовал, его счастьем не было предела. Ни минуты не сомневаясь, он выбрал Шляйссхам в своей родной Баварии.

В конце ноября Баур добровольно поступил на военную службу и дал присягу кайзеру. Изнурительный курс молодого бойца показался ему вечностью. Впрочем, упорные годичные тренировки сыграли свое дело, и по сравнению с другими новобранцами ему легче давались физические нагрузки, а дисциплина и собранность были не только национальной, но и семейной чертой Бауров.

Через два месяца общевоинской подготовки его зачислили в авиационную эскадрилью. Командир эскадрильи, просмотрев документы Ганса, с удовольствием заключил:

– Нам, Баур, с вами повезло. Таких грамотных солдат, как вы, мало, а потому назначаю вас штабным писарем эскадрильи. Поздравляю!

Ганс, уже видевший себя в кабине пилота, был оглушен решением командира. С усилием уняв огонь душевной обиды, новоиспеченный писарь отправился исполнять свои обязанности.

Берлин. 29 апреля 1945 года

Рано утром Савельев с автоматчиками, сапером и проводником-немцем быстро и без особых проблем добрался до Вильгельмштрассе по колодцам телефонных сетей. Однако, подняв канализационный люк и увидев метра в двухстах обьятое пламенем огромное здание рейхсканцелярии, майор понял, как до него еще было далеко.

Шел жестокий бой, вокруг здания сплошной стеной рвались снаряды и мины, сотрясая землю, казалось, до самого ее ядра. По приказу командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Жукова начинался генеральный штурм последней цитадели фашизма – Рейхстага.

Группа вернулась обратно, и весь день продолжала допросы пленных и гражданских лиц. Сопоставляя по крупицам полученную информацию, анализируя документы, добытые развед-

чиками за последние сутки, Савельев пришел к выводу, что Гитлер действительно находится в здании имперской канцелярии, а именно, в бомбоубежище, расположенном глубоко под зданием.

Майор доложил свои соображения полковнику Грабину и получил указание проникнуть в рейхсканцелярию вслед за штурмовыми группами. Он должен был находиться в контакте с командирами стрелковых подразделений и группой подполковника Кирпиченко, начальника отдела контрразведки Смерш 79-го стрелкового корпуса, действовать с ними сообща, задерживать всех немцев и помещать их под усиленной охраной в близлежащих подвалах, опечатывать и доставлять в распоряжение Грабина все обнаруженные документы. Группу Савельева усилили офицерами – оперативниками, военными переводчиками, взводом автоматчиков.

К вечеру впервые крупно повезло. Разведчики задержали медсестру Ильзу Шмуц, выбегавшую из здания имперской канцелярии. Шмуц уверяла, что хотела найти свою мать, которая больна диабетом и находится в одном из ближайших подвалов или бомбоубежищ. Медсестра еще до полудня сопровождала раненых солдат с узла сопротивления на улице Фоссштрассе до единственного уцелевшего в центре укрытия – бомбоубежища имперской канцелярии.

– Уверяю вас, фрау лейтенант, – заговорщицки говорила она Сизовой, – господин Гитлер там. Конечно, сама я его не видела. Но солдаты охраны, врачи, медсестры и санитары госпиталя, который разместился в бомбоубежище, часто встречали фюрера в подземелье.

– А не могли бы вы описать это сооружение? – спросил Савельев.

– Целиком описать не могу. Ведь я была только в помещениях, отведенных для госпиталя. Знаю, что в бомбоубежище можно попасть через центральный вход и из внутреннего двора рейхсканцелярии. Мы раненых доставляли через центральный вход, а выводили меня и других женщин солдаты через внутренний дворик, или сад, как они его называют.

– Какова глубина убежища, много ли там людей?

– Глубина большая – мы долго спускались по лестнице. Но лестница пологая, и нам нетрудно было сопровождать раненых. Мне показалось, что мы были только на первом этаже убежища, так как я видела, как по более узкой лестнице вниз сбегали солдаты. Этаж, на котором мы сдавали раненых, представляет собой длинный коридор с большим числом комнат-шек. Людей там много, в основном солдаты и раненые. Но я видела и гражданский персонал, в том числе женщин. Судя по запахам, где-то рядом с госпиталем располагается кухня или столовая. Мы встречали также мужчин в поварской одежде.

– А что конкретно вы слышали о Гитлере в бомбоубежище и от кого? – продолжал допрос Савельев. Переводчице Сизовой было жаль майора, который, казалось, превратился в сплошной комок нервов. За двое суток он не сомкнул глаз, ничего не ел, только время от времени глотал таблетки «кола», выданные медиками офицерам оперативно-розыскных групп, пил чай и курил.

– Слышала от медсестер госпиталя, от санитаров. Они говорили, что фюрер еще вчера обходил раненых, вручал им Железные кресты, пакетики со сладостями.

– Спасибо, фрау Шмуц. Вы нам очень помогли. Можете идти искать свою мать. Вы свободны.

Девушка, не веря своему счастью, выпорхнула из подвала.

Когда стемнело, Савельев с десятком бойцов пробрался на командный пункт стрелкового полка, предпринимавшего непрерывные атаки имперской канцелярии с юго-запада, со стороны Потсдамского вокзала. Подполковник, командир полка, тут же налил полкружки душистого коньяка и положил плитку шоколаду.

– Угощайся, майор. Но в атаку я тебя не пушу – себе дороже. Случись что с тобой, мне же голову оторвут. Вот завтра-послезавтра возьмем эту братскую могилу, тогда и вперед. – Офицеры закурили. – Понимаешь, какая петрушка, здание – сплошной бетон. Мы уже, считай,

человек пятьдесят в полку потеряли. Подойдет рота огнеметчиков, будем выкуривать гадов. Химики дымзавесу поставят, за ней штурмовыми группами попробуем просочиться.

Подполковник сладко потянулся, зевнул, устало добавил:

– Хотя, по мне, лучше бы Рейхстаг брать.

– Размечтался, – буркнул майор и разом допил коньяк. – Будем с тобой брать логово Гитлера. Оно пяти Рейхстагов стоит. Так что крути дырки на погонах под третью звезду да на гимнастерке под орден.

В этот момент полковые разведчики втащили здорового эсесовца в серо-зеленой офицерской полевой форме. Он не был ранен, но помят разведчиками основательно. Молоденький худющий младший лейтенант, переводчик штаба полка, бегло просмотрел документы пленного и доложил:

– Оберштурмбаннфюрер СС Йоган Матциг, командир сводного пехотного батальона СС. По-нашему, значит, подполковник.

– Герр Матциг, – юноша обратился к пленному, – вы командовали батальоном, защищавшим рейхсканцелярию?

Эсесовец глядел на офицеров звериными от страха глазами, пытаясь понять, кто из них старший по званию. Так и не разобравшись, истерично завопил на переводчика:

– Да, я оберштурмбаннфюрер СС Йоган Матциг, командир сводного батальона лейбштандарта «Адольф Гитлер». Да, мой батальон защищал имперскую канцелярию, фюрера и его ставку. Да... – Эсесовец не успел закончить тираду. Савельев грохнул кулаком по импровизированному столу командира полка и сам загремел во всю мощь на немецком:

– Молчать, сукин сын! Отвечать на вопросы спокойно.

Эсесовец оторопел, обмяк и непроизвольно опустил на пустой патронный ящик. Он понял, кто тут главный, и стал давать показания.

– Гитлер в бомбоубежище имперской канцелярии? – спрашивал Савельев. Он видел, что немец уже вышел из шокового состояния и готов отвечать.

– Да, фюрер там, в фюрербункере.

– Кто с ним из лидеров Рейха?

Матциг на секунду задумался, затем поднялся, встал по стойке смирно, плотно прижав ладони к бедрам, и отвечал:

– С уверенностью могу сказать о рейхсминистре пропаганды рейхслайтере Геббельсе и рейхслайтере Бормане. Я их неоднократно видел лично, когда бывал с ежедневными докладами о боевой обстановке у группенфюрера СС Раттенхубера. Там же, на командном пункте бригады гитлерюгенда, находится рейхсфюрер молодежи Аксман. Есть еще какие-то генералы, которых я не знаю.

– Когда вы в последний раз видели Гитлера?

– Вчера вечером, не помню точное время. Фюрер вручал боевые награды раненым и солдатам, защищавшим рейхсканцелярию. Среди награжденных было пятеро моих солдат и много мальчишек их гитлерюгенда.

– А сегодня вы видели Гитлера? Или Геббельса?

– Нет, сегодня я не был в помещениях фюрербункера. Ваши непрерывно бомбили и обстреливали здание. Мой батальон почти весь погиб, у нас не осталось гранат и патронов. Я и еще полтора десятка офицеров и солдат, раненых и контуженных, были взяты в плен среди развалин.

– Ну, хорошо. Товарищ подполковник, – обратился Савельев к командиру полка, с интересом наблюдавшему за допросом, – мы пошли к себе. Этого бугая забираем. Когда пойдете на штурм, позвони. Я там должен быть первым.

– Позвоню, майор, будь уверен. Первым, правда, буду я, но гарантирую, что ты – вторым.

Подполковник, улыбаясь, крепко пожал руку Савельева. Вслед за майором, вышедшим с командного пункта, автоматчики вытолкали на улицу эсесовца. В бомбоубежище, в котором обосновалась группа Савельева, при свете масленки, сделанной из расплюсченной гильзы от 45-миллиметрового снаряда, оберштурмбаннфюрер СС Йоган Матциг долго и тщательно вырисовывал по памяти план фюрербункера.

Берлин. 30 апреля 1945 года

Бои за овладение Рейхстагом и рейхсканцелярией продолжались с нарастающим напряжением. В уличном бою на Лейпцигерштрассе советские бойцы взяли в плен ефрейтора роты морской пехоты Пауля Марзерса. Офицеры оперативно-розыскной группы подполковника Кирпиченко выяснили, что ефрейтор, входивший в состав сводного батальона СС, защищавшего рейхсканцелярию, остался одним из немногих в живых после вчерашнего авиационного налета и артиллерийского обстрела здания имперской канцелярии и территории вокруг нее. Остатки разбитых частей собирали офицеры СС по улицам и подвалам и, в спешном порядке сформировав сводные роты, направляли их на баррикады и другие опорные пункты обороны.

Ефрейтор Мазерс дал показания, что Гитлер, Геббельс и группа высших чинов вермахта и СС 28 апреля находились в имперской канцелярии.

После тринадцати часов начался ураганный обстрел Рейхстага из всех подтянутых артиллерийских систем. По зданию прямой наводкой били танки и самоходные артиллерийские установки. В четырнадцать тридцать войска 79-го стрелкового корпуса двинулись на последний штурм. Вскоре бойцы 380-го стрелкового полка 171-й стрелковой дивизии, ворвавшиеся первыми в здание, прикрепили алый стяг в окне второго этажа.

Немцы защищали лестницы, коридоры, каждое помещение Рейхстага. Ожесточенный бой продолжался весь день, но с наступлением темноты стал угасать. Наконец, в двадцать один тридцать в свете прожекторов и пожаров советские бойцы, находившиеся вне здания, увидели над куполом Рейхстага долгожданное знамя Победы.

Контрразведчики оперативно-розыскных групп, участвовавшие в штурме Рейхстага и имперской канцелярии, не знали, что в ночь на 1 мая в полосе наступления 8-й гвардейской армии появились немецкие парламентареры. Бои за рейхсканцелярию не прекращались ни на минуту.

Повествование о счастливом человеке

Упорству Баура можно было позавидовать. На первых порах в казарме он был объектом насмешек из-за небольшого роста и пушка на мальчишеском лице. Солдаты говорили, что, если кайзер призывает таких юнцов, Германии конец и война продлится недолго. Ганс старался не обращать на насмешки внимания. А должность штабного писаря, спокойный уравновешенный характер, обширные познания в самых разных областях сделали свое дело: вскоре его стали уважать в эскадрильи. Благоволил к нему и командир, который не мог нарадоваться порядку в делопроизводстве штаба, наведенному знающим добросовестным солдатом.

Однако Ганс не был допущен к самолетам, и на его глазах нередко выступали злые слезы, когда из укромных мест он наблюдал воздушные маневры крылатых машин над авиабазой Шляйсхама. Газетные материалы о воздушных победах над противником немецких летчиков Германа Геринга, Риттера фон Грейма, Карла Друма, Альфреда Келлера, Вальдемара Клеппе, Роберта Кнаусса и других вызвали у него смешанные чувства радости и горькой обиды. Молодые пилоты его учебной эскадрильи – здоровые, улыбающиеся, одетые с иголки – казались ему, простому рядовому солдату, недостижимыми орлами.

Впрочем, штабная служба вдали от фронта давала писарю Бауру некоторые преимущества, к которым, в частности, относились регулярные походы в Шляйсхам для отправки несекретной почты. Как-то в холодный дождливый день озябшего и промокшего солдата, пожа-

лев, напоила кофе работница почты, принимавшая от него корреспонденцию. Эльза выглядела гораздо моложе своих сорока лет. Ее муж, спившийся железнодорожный жандарм, давно был выдворен из семьи и жил на станции. Дочь Клара, работавшая официанткой в кафе, не возражала против посещения их дома солдата, на вид мальчика, принимая на себя о нем заботы в отсутствие матери. Этот тройственный боевой союз, не знавший размолвок, оставался нерушимым почти год. Окруженный женской теплотой и любовью, Баур все реже вспоминал белокурую Анхель, которая не баловала его письмами.

Однажды Ганс обратился к своему командиру:

– Господин капитан! Я твердо решил стать летчиком. Прошу вас позволить мне в свободное время помогать механикам.

Капитан усмехнулся, но приказал старшему механику по вечерам привлекать рядового Баура к несложным работам по обслуживанию самолетов. Это была серьезная победа! В короткий срок Ганс изучил устройство самолетов авиабазы. К удивлению механиков он мог самостоятельно разбирать и собирать двигатели машин, находить и устранять в них неполадки.

В середине 1916 года, когда потери германской авиации, особенно в личном составе, достигли катастрофических масштабов, на летные должности стали определять добровольцев, прошедших ускоренную подготовку. Узнав об этом из директивы, поступившей в штаб, писарь Ганс Баур, не раздумывая, написал рапорт о направлении его в летную школу.

– Дорогой Ганс, – капитан, вызвавший Баура, заговорил с ним отеческим тоном, – ты еще слишком молод и мал ростом. А потому, скорее всего, твои старания напрасны. Но ты мне нравишься, и чем черт не шутит. Вот тебе сопроводительные документы, отправляйся в приемную комиссию авиационной школы в Фервирсе. Дай бог тебе удачи!

Из ста сорока человек, прибывших в школу, экзамены выдержали тридцать пять. В числе счастливиц, допущенных к занятиям, оказался Баур. Учеба в авиационной школе в Мильбертсхофене, близ Шляйсхама, давалась ему легко. В своих познаниях он далеко опережал других курсантов и первым сдал теоретические экзамены, причем с высшим баллом.

После того как школу перевели на авиабазу в Гертсхофен, начались учебные полеты. Первый самостоятельный вылет курсант обычно совершал после выполнения не менее тридцати полетов с инструктором на самолете-спарке. Ганс был вне себя от счастья, когда ему было предложено совершить самостоятельно девятнадцатый полет.

Накануне этого важнейшего события в жизни летчика Баур переговорил со многими инструкторами – боевыми пилотами о технике исполнения «штопора». Дело в том, что в школах не учили никаким фигурам пилотажа. Только взлет и посадка. Считалось, что доводка летчика будет осуществляться инструкторами непосредственно в боевых частях и в ходе летной практики. Баур решил блеснуть перед коллегами.

Это был старый, испытанный и надежный «альбатрос» с двигателем мощностью в 100 лошадиных сил, развивавшим скорость до 110 километров в час. Ганс уверенно забрался в кабину, запустил двигатель, и самолет после короткой разбежки быстро набрал высоту 800 метров. Счастье переполняло пилота. Он никогда так высоко не поднимался, так как инструкторы разрешали подъем только до 200 метров. Сделав большой круг над аэродромом, Ганс сбросил обороты, повернул штурвал влево и сдвинул влево рычаг управления рулями высоты, разогнал машину до 800 оборотов и направил ее плавно вниз. Самолет аккуратно вошел в штопор. На высоте около 150 метров Баур его выровнял и пошел на посадку. С его точки зрения, полет был исполнен безупречно.

Когда Баур подрулил к месту стоянки, он увидел толпу курсантов, инструкторов и механиков, бежавших к машине, и разъяренное лицо его инструктора. Лейтенант за шиворот выволок героя из кабины, хорошенько встряхнул и во всю мочь заорал:

– Болван! Тебя необходимо хорошенько выдрать! – Затем, немного успокоившись, громко заявил: – Позволь, Баур, пожать твою руку. Ты замечательный пилот. Но будь умницей и больше не твори такого безобразия.

Курсанты долго обнимали Ганса. Сегодня он, безусловно, был героем.

После выпускных экзаменов Бауру в порядке исключения присвоили звание фельдфебеля, и он получил направление в авиационную часть, расквартированную в Графенвёре, на должность летчика-корректировщика артиллерийского огня.

Через шесть недель ежедневных боевых вылетов самолет Баура превратился в решето, а двигатель не подлежал восстановлению. Гансу вручили высоко ценившуюся в войсках баварскую медаль «За храбрость» и отправили на десять суток в отпуск.

Перед отъездом он выклянчил у земляка-каптенармуса новую форму, ушил ее, прикрепил фельдфебельские погоны. Форменную куртку украсил медалью «За храбрость» с баварским львом, левой лапой опиравшимся на шит, а в правой державшим меч. Ниже медали повесил посеребренные значки об окончании летной школы и летчика-корректировщика. Но, конечно, главными форменными аксессуарами, так радовавшими душу Баура, были франтоватое двубортное офицерское шерстяное пальто серо-зеленого цвета (армейские офицеры и унтер-офицеры носили длинные шинели), темно-коричневые кожаные ботинки и краги к ним (армия была обута в короткие сапоги и уже повсеместно в дешевые ботинки с обмотками). Ганс внимательно оглядел себя в зеркало и пришел к убеждению, что он герой и вылитый красавец.

Ему выдали отпускные, включавшие перерасчет за новое звание, фронтовые и полетные. Сумма оказалась весьма приличной. Таких денег он раньше в руках не держал и абсолютно счастливый отправился в Мюнхен.

Берлин. 1 мая 1945 года

В три часа ночи начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал пехоты Кребс и сопровождавший его начальник штаба 56-го танкового корпуса полковник фон Дуфвинг были доставлены в штаб 35-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии. Командующий армией генерал-полковник Чуйков и вскоре прибывший по поручению маршала Жукова его заместитель генерал армии Соколовский приняли письменные полномочия Кребса на ведение переговоров о перемирии, подписанные Геббельсом. Советское командование узнало о том, что 30 апреля Гитлер покончил жизнь самоубийством и в соответствии с его политическим завещанием создано новое правительство Германии. Рейхспрезидентом провозглашен гросс-адмирал Дениц, рейхсканцлером Геббельс, министром иностранных дел Зейс-Инкварт, министром по делам партии Борман, министром внутренних дел Ханке. Главнокомандующим сухопутными войсками назначен генерал-фельдмаршал Шернер, начальником Генерального штаба сухопутных войск генерал Кребс.

Нелепость ситуации заключалась в полном неведении новыми лидерами фашистского режима положения в стране и на фронте. Когда Кребс заявил, что начальником штаба Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Германии назначен генерал-полковник Модель, советские генералы с удивлением переглянулись и сообщили ему о том, что неделю назад Вальтер Модель покончил жизнь самоубийством.

Предложение германской стороны о перемирии было отвергнуто. В 5:00 Жуков сообщил требование советской стороны о безоговорочной капитуляции. После телефонной консультации с Геббельсом Кребс попросил письменно сформулировать советские предложения и отбыл в имперскую канцелярию.

Ожидание было долгим. Бои не велись только в районе рейхсканцелярии, повсеместно же они продолжались с нарастающей силой. К концу дня было окончательно сломлено сопротивление полуторатысячной группировки немцев в подвалах Рейхстага. С юга от Ландверканала к комплексу зданий рейхсканцелярии подошли подразделения 4-й гвардейской дивизии

и, таким образом, как казалось командованию, окончательно запечатали возможности отхода из фюрербункера его защитников.

Наконец, в 18:00 в штаб генерала Чуйкова доставили представителя Геббельса штандартенфюрера СС Боозе, который передал пакет. В нем содержался ответ, скрепленный подписями Бормана и Кребса. Новое германское правительство отвергло советский ультиматум. Телефонная связь с рейхсканцелярией оборвалась. Жуков приказал немедленно начать штурм здания и захватить его не позднее конца дня 2 мая.

К семи вечера в подвале у Савельева появился полковник Грабин с офицерами-оперативниками. Он рассказал о переговорах, о смерти Гитлера, факт которой необходимо было проверять сразу же после захвата фюрербункера. На станции метро «Силезский вокзал» взяли саперного капитана, выбравшегося из рейхсканцелярии. Он сообщил, что генерал Кребс застрелился, как только узнал об отказе Геббельса принять советские условия капитуляции. Грабин предупредил, что по имеющимся сведениям Геббельс, Борман, Раттенхубер и еще целая группа генералов, крупных чинов СС, в том числе, возможно, и шеф гестапо группенфюрер СС Мюллер, все еще находятся там.

– Саша, будь внимательным. Многие из них, скорее всего, переоденутся, станут прикидываться рядовыми солдатами, обслуживающим персоналом, ранеными. Некоторые постараются улизнуть всеми немыслимыми способами. Допустить этого нельзя. Наладь надежную охрану всех входов и выходов. Никого не выпускай без тщательной проверки. Обшарьте все закоулки, все щели.

– Товарищ полковник! – Савельев даже привстал от удивления. – Где мне взять столько бойцов? Ведь площадь одного бомбоубежища не менее семисот квадратных метров.

– Людью помогу. У тебя два взвода автоматчиков. Ночью подкину еще. С командиром дивизии договорюсь, разведчиками поможет. Пришлем саперов. Человек сто пятьдесят соберем.

Полковник резко встал с колченого стула.

– Хватит канючить. Где я тебе людей возьму? Розыск ведем по всему городу! За последние двое суток задержали более тридцати генералов, полковников и высоких чинов СС.

– Переводчиков бы еще. Шестерых мало.

– Ну, ты совсем обнаглел, – Грабин поспешно стал собираться. – в своей бывшей дивизии договоришься. У меня свободных нет. Все, давай работать. А то без тебя канцелярию возьмут.

– Не возьмут, товарищ полковник, – Савельев улыбнулся, – у нас с пехотой договор.

Савельев собрал офицеров группы вместе с командирами приданных взводов и провел подробный инструктаж. Кроме оружия и гранат приказал взять противогазы.

– А противогазы-то зачем, товарищ майор? – спросил лейтенант, командир взвода. – Только мешать будут.

Савельев с жалостью поглядел на молоденького лейтенанта, накануне штурма Берлина прибывшего из ОПРОСа⁸ и заменившего раненого командира взвода автоматчиков отдела контрразведки армии. Завтра он впервые пойдет в бой.

– Фашисты могут попытаться совершить прорыв под прикрытием дымовых шашек или – того хуже – предпринять газовую атаку. Вам ясно, лейтенант?

Молодой офицер смущенно кивнул головой.

– Особенно беречь переводчиков, – продолжал Савельев. – Сегодня ночью пойдем вместе со штурмовыми группами полка. А сейчас всем готовиться.

Савельев задержал лейтенанта Сизову, осмотрел ее с ног до головы и, пряча глаза, сказал:

⁸ ОПРОС – фронтового подчинения отдельный полк резерва офицерского состава. На завершающем этапе войны в него направлялись выпускники военных училищ, затем распределявшиеся по соединениям и частям фронта. В полк попадали и офицеры, выписавшиеся из госпиталей (*примеч. авт.*).

– Пойдете, лейтенант, со мной. Запомните: держаться рядом, глядеть в оба, не зевать, не отставать, не бояться. А сейчас идите переодеваться.

– Это как понять, товарищ майор? – Сизова вспыхнула, вскинув вверх голову, машинально поправляя подогнанные по фигуре новенькую полушерстяную гимнастерку и бостоновую синюю юбку.

– А вот так и понимайте. Переодеться в полевую форму – надеть штаны, поменять хромовые сапоги на яловые. Автомат можете не брать, но запасных обойм к ТТ советую взять побольше. Выполняйте приказ!

Воспоминания счастливого человека

Мюнхен встретил меня в апреле 1917 года цветущими садами и запахами крепкого кофе. Я приехал в отпуск после почти двухмесячных непрерывных полетов над позициями французских войск, которые предпринимались с целью корректировки огня нашей тяжелой артиллерии. Я чувствовал себя превосходно: я добился своей цели и стал военным летчиком. Еще чуть-чуть – и меня произведут в офицеры. Я был уверен: если фортуна улыбнется и я останусь жив, впереди меня ждет большое будущее.

Город меня удивил: он был по-прежнему наряден, весел и шумен, как будто бы и не было никакой войны. Несметное количество легковых и грузовых машин, автобусы, трамваи, нарядные экипажи. Улицы полны хорошо одетыми прохожими, повсюду приветливые улыбающиеся лица. Бесчисленные рестораны, кафе, бистро, пивные, кондитерские, как всегда, заполнены. Только заметно прибавилось военных, да многие знакомые муниципальные и общественные здания превращены в лазареты и госпитали.

Я гулял по любимому городу и наслаждался им. Как и прежде, на меня глядели своими глазами башни собора Фрауэнкирхе, построенного в честь покровительницы города Девы Марии. Также величественен был собор Святого Петра – символ великой Баварии. Кстати, именно здесь десять лет назад я впервые увидел самолет и поклялся стать летчиком. Первым делом я отправился на Нойхаузерштрассе, чтобы в его торговых лабиринтах выбрать подарки для родителей и брата с сестрой. А может быть, и для Анхель, но это совсем не очевидно.

Отцу я купил хорошую трубку из австрийской вишни, матери – большую коробку ее любимых швейцарских шоколадных конфет с марципаном. Сестре Марии выбрал тончайшие кожаные перчатки, а брату Францу – отличный охотничий нож. Анхель я все же решил сделать подарок и купил ей серебряный перстень, выполненный в форме двух соединенных рук.

Шагая по улицам, я не устал вскидывать руку к виску, отвечая десяткам солдат и унтер-офицерам, отдававшим мне честь. Они знали, что с фельдфебелями шутки плохи. Да еще с таким красавцем, как я. И я отдавал честь многим встречавшимся офицерам, которые с удивлением оглядывали мой форменный наряд летчика Военно-воздушных сил Его Величества.

Дома был настоящий праздник. У матери от удивления поднялись брови, когда я передал ей пачку денег, попросив приготовить хороший ужин с рейнским вином. Она все устроила замечательно: на столе были мои любимые зельц, сельдь, вымоченная в пиве, жареный картофель со шпиком и горячие пирожки с ливером. Все были очень довольны подарками и ужином.

Отец и брат внимательно рассматривали мою форму, медаль и значки. Раскуривая новую трубку, отец произнес:

– Да, дорогой Ганс, признаю, что был не прав, когда отговаривал тебя от идеи стать пилотом. Вижу, что у тебя все нормально. В годы моей молодости стать фельдфебелем и быть награжденным баварской медалью в двадцать лет было немыслимо! Да и оклад, я гляжу, у вас, летчиков, значительно отличается от пехоты. Это радует.

Брат утащил меня в свою комнату и долго расспрашивал о войне, армии, учебе в авиашколе, полетах. Ему вскоре предстояло надеть солдатскую форму, и поэтому его интересовало все об армейской жизни. Я осторожно спросил об Анхель. Франц обнял меня и весело ответил:

– Ганс, дорогой, ну сдалась тебе эта Анхель. На тебя, такого красавца, любая заглядится. Она сейчас в Мюнхене, учится на курсах медсестер и работает в военном лазарете на Фельдштрассе, в бывшем шахматном клубе. Помнишь, мы с тобой туда ходили три года назад? Я ее несколько раз видел под ручку с каким-то военным. Говорят, он то ли врач, то ли интендант. Словом, забудь ее.

Странно, но в моей душе ничего не шевельнулось. И даже когда два дня спустя я случайно встретил Анхель у скобяной лавки, где раньше работал и забежал проведать бывших коллег (а если честно, то и покрасоваться), а она заходила туда сдавать в ремонт кофемолку, это не вызвало во мне никаких особенных чувств.

Увидев меня, Анхель бросилась обниматься, не обращая внимания на любопытных зевак.

– Ганс, миленький, как я рада вновь тебя видеть! Какой ты красивый, какой мужественный! Почему ты так редко писал, бессовестный? – Она крепко взяла меня под руку, продолжая тараторить: – Как я счастлива, что ты стал летчиком. Говорят, вскоре ты будешь лейтенантом? Я всегда мечтала иметь мужа офицера. Да еще летчика! Мы ведь поженимся, правда? Я рожу тебе замечательных детей, девочку и мальчика. Мы купим хороший дом в Мюнхене и проживем счастливой жизнью.

– До этого еще дожить надо. Война идет, а я летчик – летчики гибнут часто.

– Глупости, все у нас будет чудесно. – Она снова порывисто обняла меня. – Сейчас мы пойдем ко мне, сегодня я не работаю.

Анхель похорошела, превратилась в молодую женщину, источавшую здоровье, оптимизм и тонкий аромат духов. Мы зашли в кафе пообедать, где я подарил ей серебряный перстень в синей бархатной коробочке. Она сделала вид, что обрадовалась, но я заметил, как в ее глазах мелькнула усмешка. Я не обратил на это внимание, но все понял: руки девушки украшали перстни подороже.

Отобедав, мы отправились в дом фармацевта, у которого Анхель снимала комнату.

– Ганс, черт возьми! Ты стал опытным мужчиной, – воскликнула она после бурных объятий.

– Ты, я знаю, тоже время даром не теряла.

Услышав это, девушка смутилась. Она поняла, это была наша последняя встреча. При прощании она обняла меня, заплакала и тихо сказала:

– Пиши мне, Ганс, не забывая свою подругу.

Мы расстались друзьями.

На вокзал меня провожали мать и сестра Мария. Обе в последний момент расплакались, и мне казалось, будто я сел в поезд совершенно мокрый, словно омытый слезами любящих женщин.

Девять суток я колесил по Франции в поисках своей эскадрильи, которую перебрасывали с одного аэродрома на другой. Когда же, наконец, я, совершенно измотанный, грязный и голодный ее нашел, мои друзья, летчики и механики, радостно и с нескрываемым удивлением приветствовали меня. Оказалось, что все считали меня погибшим. Дело в том, что среди выпускников авиационной школы было три человека по имени Ганс Баур. Один из них и погиб во время разведывательного полета над территорией противника. Когда же в эскадрилье получили сообщение об этом из отдела комплектования кадров авиационного отряда, все посчитали, что это именно я. Командир эскадрильи был счастлив, что я прибыл живой и здоровый.

Меня посадили на выдавший виды самолет DFW и отправили на разведку линии обороны противника. Возвращаясь назад, я решил удивить своих коллег и над аэродромом совершил ряд крутых виражей и продемонстрировал штопор. Затем эффектно посадил самолет и загнал его в ангар. Я удостоился бурных аплодисментов летчиков и механиков и полного разноса со стороны командиров. Меня предупредили, что если я вновь повторю подобные фортели, то буду отстранен от полетов и отправлен на фронт в пехотный полк командиром отделения.

Через два дня мне поручили испытать только что прибывший бронированный самолет АЕГ, которого боялись все летчики. Машина оказалась тяжелой, имела двигатель в 220 лошадиных сил, развивала скорость почти 140 километров в час и могла достигать высоты более 1100 метров. Я с удовольствием совершил полет на этом самолете, испытал его маневренность и доложил командованию о том, что эта машина вполне приемлема для осуществления разведывательных полетов. Мой авторитет вырос еще больше.

Армия готовилась к новому большому наступлению на Западном фронте. В нашу часть, осуществлявшую воздушную разведку, стали поступать машины различных моделей. Многие летчики выбирали самолеты легких конструкций, которые просто управлялись. Я убеждал своих товарищей в ошибочности их представлений. Легкие машины хороши были в истребительной авиации для ведения маневренного воздушного боя. Для самолета-разведчика, в экипаже которого состоял еще и пилот-наблюдатель, главное заключалось в надежности двигателя и защищенности корпуса. Машины АЕГ этим и отличались. Их фюзеляж также изготавливали из деревянных конструкций, как и у других самолетов, но обтягивали не материей, а обшивали дюралевыми листами. Кроме того, двигатель был размещен в бронированном цилиндре, а дно кабины, ее задняя часть и борта самолета защищены бронированными листами. Вскоре многие поняли преимущества таких мер безопасности.

Берлин. 2 мая 1945 года

Штурмовые группы, забросав гранатами входы и выходы, при поддержке огнеметчиков ворвались в здание рейхсканцелярии. Группа Савельева, ведя на бегу огонь, бросилась к широкой лестнице, ведущей из вестибюля вниз. Майор приказал лейтенанту, командиру взвода автоматчиков, оставить одно отделение бойцов для охраны спуска в фюрербункер и никого не впускать. Разведрота дивизии, три взвода автоматчиков, саперы, связисты, офицеры-оперативники и переводчики во главе с Савельевым начали долгий и опасный спуск в подземелье.

По договоренности Савельева с командиром стрелкового полка, как только штурмовые группы очистили вестибюль и прорвались во внутренний двор рейхсканцелярии, все видимые входы и выходы из здания во двор были взяты под надежную охрану.

Разведчики в ходе короткой перестрелки очистили лестничные пролеты, ведущие на первый и второй этажи бомбоубежища. Автоматчики взводов Смерш начали там проверку. Из комнат в коридоры стали выходить люди с поднятыми руками, кто в военной форме, кто в гражданском. На полу лежали раненые. Много было женщин. Большинство из них являлись медсестрами и санитарками расположенного тут же госпиталя. Некоторые же дамы были весьма хорошо одеты и явно не имели никакого отношения к медперсоналу. Офицеры вместе с переводчиками немедленно приступили к беглым допросам.

Савельев знал, что где-то рядом находится спуск в сам фюрербункер, располагавшийся под двухэтажным бомбоубежищем. Но в суматохе боя, в горячке первых допросов сразу найти нужных людей, которые бы могли помочь проникнуть по этим лабиринтам вниз, не удалось. А главное, крайне не хватало людей. С десятью оставшимися под рукой бойцами лезть в гитлеровскую преисподнюю Савельев не решился. И здесь самым лучшим образом помог полковник Грабин. Телефонист протянул Савельеву трубку:

– Вас, товарищ майор.

Грабин велел послать наверх бойцов для встречи оперативной группы подполковника Кирпиченко, которая также ворвалась в здание имперской канцелярии с восточной стороны. Кирпиченко, высокий, худой, в мешковато сидящей форме, крепко обнял и расцеловал Савельева.

– Ну, Саня, подмогу я тебе привел. Давай искать проводников.

Подбежала лейтенант Сизова. В старой, стираной-перестираной хлопчатобумажной гимнастерке, туго перетянутой офицерским ремнем с пистолетной кобурой, в таких же штанах

огромного размера, в тяжелых яловых сапогах, обвешанная полевой сумкой, противогазом, еще какими-то ремешками и бечевками, без пилотки, с растрепанной копной густых волос. Эту молодую, красивую, всегда элегантно одетую в свежую и наглаженную форму, лейтенанта-переводчика было не узнать. Савельев даже поморщился.

– Товарищ подполковник! – Вскинув руку к виску, забыв про непокрытую голову, она с горящими от нервного напряжения глазами, докладывала Кирпиченко. – Разрешите обратиться к товарищу майору?

– Это что еще за чудо? – Улыбнулся Кирпиченко. Савельев промолчал.

Кирпиченко кивнул:

– Докладывайте, лейтенант.

– Товарищ майор! – быстро затараторила Сизова. – Мы нашли, этого, ну как же он называется? Забыла. Ну, тот, кто печи и камины топит и ухаживает за ними.

– Истопника, что ли? – Подсказал Кирпиченко.

– Да, да, его! Истопника из бункера Гитлера. Вот он. – Лейтенант ткнула указательным пальцем в пожилого немца, стоявшего под охраной двух автоматчиков.

Маленького роста, совершенно седой, тщедушного вида человек, одетый в старенький серого цвета помятый костюм, под которым виднелась грязная сорочка с надорванным воротничком. Старик был совершенно спокоен, и, казалось, равнодушен к происходящему. Он отвечал на вопросы внятно и просто. Он действительно с декабря сорок четвертого года служил истопником фюрербункера. Работать приходилось очень много, так как в бункере постоянно шли работы по укреплению бетонных перекрытий. Раттенхубер, начальник личной охраны Гитлера, велел довести их до восьми метров толщины. Сырость стояла страшная. Фюрер все время жаловался на холод и сырой воздух. Хотя вентиляция работала хорошо, ведь в подземелье были установлены мощные промышленные насосы. Для просушки повсеместно были смонтированы чугунные печи, а в апартаментах фюрера, в его рабочем кабинете, помещениях для дежурных, генералитета, в буфете, комнатах адъютантов, секретарш, стенографисток, медперсонала дополнительно сложили небольшие камины.

По узким лестницам, по стенам которых были протянуты мощные кабели, металлические короба вентиляции и гирлянды тусклых лампочек, Кирпиченко и Савельев в сопровождении истопника, переводчиков, разведчиков, саперов и связистов спустились в бункер Гитлера. Здесь царила темнота. В узких коридорах стоял слабый гул все еще работающих насосов вентиляции, что-то шуршало, скрипело, хлопало. Было очевидно, здесь находились люди. Савельев приказал принести фонарики. Через некоторое время разведчики со связистами протянули провода от танкового аккумулятора и подключили несколько ламп. В тусклом свете все увидели узкие коридоры с множеством поворотов и переходов.

В этот момент раздались пулеметные очереди. Пули засвистели по коридору, с цокотом рикошетили от стен и потолка. Все бросились на пол. Разведчики и автоматчики из группы Савельева швырнули гранаты и, поливая перед собой огнем из автоматов, рванулись вперед. На перекрестке коридоров обнаружили пораженный осколками советских гранат пулеметный расчет эсэсовцев. Два солдата лежали на спине с распростертыми руками в лужах крови. Третий навалился всем телом на искореженный взрывом пулемет. Саперы немедленно убрали валявшиеся вокруг противопехотные гранаты. Это было последнее боевое столкновение в имперской канцелярии.

Савельев велел Сизовой взять в руки рупор, предусмотрительно захваченный с собой старшиной Кухаренко.

– Переводите, лейтенант. Внимание! Всем, находящимся в бункере! Вчера советские войска взяли Рейхстаг. Сегодня, 2 мая, захвачена имперская канцелярия. Сопротивление гарнизона Берлина сломлено. Начальник Генерального штаба генерал Кребс покончил с собой. Прошу всех военных и представителей гражданского персонала, находящихся в бункере, выхо-

дить из укрытий с поднятыми руками. Оружие бросать перед собой. Советское командование всем гарантирует жизнь, раненым медицинский уход. Все будут накормлены. Генералам и офицерам оставляются знаки различия, награды и холодное оружие. Через три минуты после нашего обращения прошу выходить на мой голос.

Савельев приказал офицерам-оперативникам расставить по цепочке бойцов для конвоирования и всех выводить наверх. Размещать в помещениях здания, сохранившихся после штурма, под надежной охраной. Генералов и старших офицеров отделять и располагать отдельно друг от друга. Искать людей, непосредственно обслуживавших Гитлера. Выяснять, где Геббельс и его семья. Где Борман, Раттенхубер, Мюллер. Кто из высших чинов Рейха находился в бункере.

Через непродолжительное время коридоры заполнились множеством людей, медленно двигавшимися наверх. Здесь были офицеры и солдаты вермахта в серой форме, эсэсовцы в черных и серебристо-серых мундирах. Прошла группа генералов и даже один адмирал. Проходили молодые и не очень молодые женщины. Некоторые из них были в военной форме, в одежде медсестер и санитарок. Шли повара, буфетчики, официанты, облаченные в белые фартуки, куртки и шапочки. Немецкие солдаты несли носилки с ранеными. Часть военных шла без мундиров, в одних сорочках. Многие были пьяны. Устойчивый запах сырости перемешался с запахами кухни, винным перегаром, грязного белья и давно немытых тел.

Истопник по узким коридорам и множеству поворотов привел к личным помещениям Гитлера. Узкая, скромно обставленная приемная. Небольшой личный кабинет, центром которого был стол из металлического каркаса, накрытый дубовой столешницей. На столе ворох карт боевых действий с приколотыми флажками. У стены книжный шкаф. Такая же маленькая спальня. Кровать с пружинным матрасом, но без простыни и одеяла. На полу – ковер в грязных пятнах. Покои Евы Браун были справа по коридору от жилого и рабочего блока Гитлера.

– Тридцатого апреля ближе к вечеру, точное время назвать не могу, – давал показания истопник, – я шел по коридору и увидел, как эсэсовцы выносили из этих помещений два больших свертка, обернутых в одеяла. С ними были начальник личной охраны фюрера Раттенхубер, адъютант фюрера Гюнше и личный камердинер Линге. Я спросил солдата, несшего приготовленный факел: «Что происходит?» Мне ответили, что несут сжигать трупы фюрера и его супруги. А мне велели проваливать отсюда подальше. А куда мне было идти? Дом разрушен авиацией. Жена погибла во время авианалета американцев. Сын еще в сорок третьем году пропал без вести на фронте в Италии. Куда мне было идти? Здесь хоть кормили нормально.

Когда истопник расписался в протоколе допроса, его попросили показать запасной выход из бункера, через который, по его словам, выносили трупы. Он, старчески шаркая по бетонному полу ногами, повел русских по длинной веренице коридоров, спусков и подъемов. Наконец, после очередного подъема, захламленного стреляными гильзами, брошенными немецкими касками, какими-то ящиками, обрывками газет и документами, открыв бронированную дверь, вышли во внутренний двор имперской канцелярии. У входа обнаружили четырех бойцов взвода автоматчиков Смерш, которые тут же наставили оружие на вышедших.

– Молодцы, – сказал Савельев, – продолжать охранять.

Зрелище было жалким. Бывший сад внутреннего двора рейхсканцелярии полностью уничтожен. Авиабомбами и артиллерийскими снарядами произведена глубокая вспашка. Догорали деревья и какие-то деревянные конструкции. Кругом громоздились бетонные и кирпичные обломки бывшего величественного здания новой имперской канцелярии. Удивительно, но стояла тишина. Офицеры сразу обратили на это внимание. Только на западе ухали пушки, и еле слышно раздавался треск ружейно-пулеметного огня. Войска продолжали очищать Берлин от последних немецких боевых групп, не принявших приказ командования гарнизона о капитуляции, а возможно, и не знавших о нем.

Было ровно семнадцать часов по берлинскому времени. К Кирпиченко и Савельеву подошел капитан Химин с двумя бойцами и доложил:

– Там, – он указал рукой направо, – в воронке какие-то обгоревшие трупы.

В этот же момент оперативники вывели во двор двух мужчин. Лейтенент Сизова представила одного плотного, невысокого роста, одетого в черный комбинезон, как техника гаража рейхсканцелярии Карла Шнайдера. Другой, что повыше и помоложе, в офицерском кителе без погон, Вильгельм Ланге, служил поваром столовой имперской канцелярии.

Все вместе придвинулись к воронке, где бойцы откапывали найденные трупы. Их разместили на большом куске брезента, принесенного из бункера. Истопник, Шнайдер и Ланге в один голос заявили, что это трупы рейхсминистра пропаганды Йозефа Геббельса и его супруги Магды.

Трупы хотя и обгорели, но сожжены не были. Под сильнейшим огнем советской артиллерии солдаты, которым было поручено кремировать одного из вождей Рейха и его жену, видимо, посчитали, что нужно хоть свою жизнь сохранить, поэтому приказ исполнили не до конца. Рядом нашли золотой нацистский значок Магды Геббельс и золотой портсигар с гравировкой подписи Гитлера.

– Это точно они. Господа офицеры! Видите, как ступня правой ноги у него скрючена, а сама нога гораздо короче другой. Это точно Геббельс. Недаром его за глаза называли «Колченогий соловей». А это фрау Магда. Это все могут признать, – уверял повар Ланге.

Примерно через час провели экспертизу опознания трупов. Акт об обнаружении и опознании одного из главных нацистских преступников и его жены, подписанный офицерами военной контрразведки и немецкими свидетелями, был тут же направлен с нарочным полковнику Грабину. Вскоре акт лежал на столе у маршала Жукова, а к полуночи с его содержанием ознакомился Сталин.

Воспоминания счастливого человека

Летнее наступление 1917 года началось канонадой тысяч германских тяжелых орудий. Земля ходила ходуном за многие километры от фронта. В тыл непрерывным потоком потянулись санитарные машины и повозки, колонны пленных французов и англичан. В сторону фронта серыми колышающимися волнами двигались пехотные дивизии, ползли транспорты со снарядами, минами, гранатами и патронами. Поднимая пыль на многие километры, скакали полки баварских, бранденбургских, померанских, саксонских, ганноверских, прусских гусар, улан, драгун и конных егерей.

Вечером начался дождь. Командир собрал всех летчиков в своем кабинете, зачитал приказ о наступлении и выдал всем предписания на следующий день. Он предупредил:

– Господа! Дельце предстоит жаркое. Нашу эскадрилью включили в состав авиаотряда, приданного 6-й армии. Летать будем много. Необходимо соблюдать все меры предосторожности. Имейте в виду, более пяти тысяч стволов нашей артиллерии сосредоточены на сравнительно коротком участке фронта. При полете на малых высотах следует опасаться ударной волны от залпов орудий. Кроме того, противник имеет подавляющее превосходство в воздухе и очень плотную зенитно-артиллерийскую защиту. Никакой отсебятины не пороть. Строго выполнять полетное задание и возвращаться на базу. Это особенно касается фельдфебеля Баура. Да, кстати, Баур, поздравляем вас. Вам присвоено звание обер-фельдфебеля. – Командир встал, пожал мне руку и вручил новенькие погоны. Мне было очень приятно.

Вечер мы продолжили в казино пехотного полка, расположенного неподалеку от нашей базы. Полк после двухмесячного нахождения на передовой и больших потерь был выведен на переформирование. Я случайно познакомился с унтер-офицерами полка – моими земляками, и они пригласили меня на кружечку пива. Я пришел с друзьями-летчиками. Мы фактически не пили. Ведь завтра полеты. Но пехотинцы отрывались на всю катушку.

От них мы слышали такое, во что, на первых порах, и поверить было трудно. Мы узнали, что германская армия держит фронт во Франции ценой колоссальных людских потерь. Боеприпасов пока достаточно, но в окопах все больше мальчиков, вчерашних школьников. Французы и англичане превосходят нас в количестве артиллерии и пехоты. Житья нет от бомбардировщиков (это мы и так знали). Страшнее всего газовые атаки и снаряды, начиненные ипритом. Десятки тысяч отравленных – это уже не жилыцы. Вылечить их нельзя, так как у них сгорели легкие, и они умирали в страшных муках.

Плохо с обмундированием и обувью. Я только теперь заметил на земляках старую, заштопанную форму. Совсем плохо с питанием. От брюквенного ассортимента на завтрак, обед и ужин нет сил таскать ранец, винтовку и тяжелую стальную каску. А ведь еще и в атаку ходить надо, и окопы рыть, и постоянно чинить блиндажи, разрушаемые артиллерийским огнем противника. Хлеб и остывшую кашу с салом в окопах воспринимали как блаженство. Французы и англичане и обмундированы лучше, и питание у них не в пример нашему. В их окопах наши солдаты в достатке находят мясные консервы, белый хлеб, шоколад, конфеты, сгущенное молоко, коньяк, ром и виски, хорошие сигареты и сигары. Одолели вши. Но моральный дух немецкого солдата пока высок. Хотя подрывные элементы и пытаются разложить армию разговорами о мире, республике, равенстве и братстве.

Эта встреча оставила тяжелый душевный осадок. Оказывается, мы в авиации ничего не знаем о положении на фронте, хотя сами находимся практически на передовой и тоже несем тяжелые потери. Наши фронтовые условия совершенно иные. Мы квартируем в благоустроенном жилье французов. Спим на чистом белье. Отлично обмундированы и экипированы. На нашем столе не переводится мясо, шпик, колбасы, сыры, овощи и фрукты, шоколад. Мы не знаем, что такое голод, грязь и вши. Единственный наш бич – холод во время полетов. Кабины наших самолетов открытые. Но и здесь нас берегут. Летному составу выдают теплые летные меховые комбинезоны и сапоги на меху, утепленные шлемы и перчатки. Господи, подумал я. Как же я тебе благодарен за твою помощь в моем стремлении стать летчиком. Иначе гнить бы мне в окопах, да со вшами встречать ядовитые французские туманы.

Утром еще засветло мы с моим наблюдателем поднялись в воздух и пошли к линии фронта. Стоял густой туман. Мы ничего не видели, что творится внизу. Только примерно через час туман стал рассеиваться, и можно было рассмотреть, как германские войска выдвигались вперед и занимали исходные позиции для наступления. На линии французской обороны никого не было видно. По всей видимости, огонь германской артиллерии загнал противника в траншеи.

Более часа мы кружили над линией фронта и наблюдали прорыв наших пехотных и кавалерийских частей. Впервые я увидел в наступлении и новое чудо кайзеровской армии – танки. Десяток железных монстров перевалил окопы французов и медленно пополз к ним в тыл. Сверху они казались нам стадом огромных серых слонов. Мы тоже повернули в тыл противника и почти сразу обнаружили длинные колонны войск, двигавшиеся к фронту. Мы решили их атаковать.

На моем самолете AEG было установлено два пулемета, направленных в сторону хвоста и вниз. Кроме того, мы имели довольно странное, но весьма эффективное оружие – связанные на цепи по шесть штук гранаты. Летчики их называли «сумасшедшими мышами». Мы снизились до 150 метров и пошли вдоль французских колонн, поливая их пулеметным огнем и забрасывая гранатами. Солдаты противника стали разбегаться, внизу возникла паника.

В пылу боя я не заметил, что противник тоже довольно интенсивно обстреливал нас. Крылья нашего самолета быстро превратились в сито. Пули стучали о бронированный фюзеляж. Наконец, пулеметная очередь снизу прошила кожух мотора. Вначале из него повалил пар, затем струя горячего масла. Он заглох, и мы стали планировать в сторону нашей территории. Я молил Бога, чтобы мы как можно дальше ушли от фронта.

Мне показалось, что я нашел довольно приличную площадку для приземления. Это было поле, засеянное овсом. До земли оставалось несколько метров, и только в самый последний момент я увидел, что на поле стоят телеграфные столбы. Но изменить уже ничего было нельзя. Самолет зацепился правым крылом за провод, развернулся на девяносто градусов и клюнул носом в землю. Я не потерял сознания, не повредил ни рук, ни ног. Выбравшись из кабины, я помог вылезти наблюдателю, у которого кровоточили правая щека и лоб. Быстро перевязав его, я сказал:

– Господин лейтенант. Нужно как можно скорее бежать подальше от линии фронта. Мы не знаем, кто находится в ближайшем перелеске.

Мои слова оказались пророческими. В нашу сторону по склону от перелеска бежали пять французских солдат, и стреляли из винтовок. Мы залегли за самолетом и приготовили свои пистолеты. Но, к счастью, вскоре у нас за спинами возник десяток наших пехотинцев и два санитар. Они открыли интенсивный огонь и быстро рассеяли лягушатников. Солдат послал к нам на выручку командир маршевого пехотного батальона, направлявшегося на фронт.

Мы с наблюдателем собрали карты и инструменты и отправились в расположение батальона. К вечеру на прибывшей из авиабазы машине мы, заляпанные грязью и испачканные кровью, добрались до своей эскадрильи. Там мы узнали, что из восемнадцати самолетов сегодня на базу не вернулись одиннадцать. Все экипажи, кроме нашего, погибли. Командир поблагодарил нас за мастерство и выучку и отправил в госпиталь. Там мы пробыли два дня и вернулись в эскадрилью.

В госпитале я получил письмо из дома. Мать рассказывала, что Франца до срока призывали в саперные части и направили на Восточный фронт. Писем от него еще не получали. В городе сильно поднялись цены на продукты, электричество, керосин, обувь и одежду. Отец жалуется на то, что уже не может себе позволить две кружки пива в день. Мария работает в швейном ателье и по вечерам учится на модельера. Из письма я понял, в Мюнхене участились антивоенные демонстрации, какие-то революционеры призывают народ к свержению кайзера и монархии, к установлению республики. Письмо меня сильно расстроило.

Во время отпуска я тоже видел множество расклеенных листовок, призывающих к окончанию войны. Слышал от отца и брата об укреплении в среде рабочих и части интеллигенции позиций социал-демократов. Я знал, что и в армейских частях какими-то субъектами ведется антивоенная и антигосударственная пропаганда. Однако в летных подразделениях ничего подобного не было. Мы честно воевали и верили в силу и могущество нашего государства. Я возненавидел всех этих революционеров, всех этих пацифистов, либералов, социал-демократов и евреев. Я был уверен, именно евреи были главными виновниками всех наших бед. Они, наверняка, шпионили в пользу Франции, Англии и России. Они специально взвинчивали цены на товары. Они создавали и возглавляли различные сомнительные организации, издавали книги и газеты, морочившие головы честным немцам. Я поклялся себе всю свою жизнь бороться со всеми врагами Германии.

В госпитале я решил половину своего денежного аттестата отправлять домой на имя матери.

К середине октября наша эскадрилья потеряла все самолеты. Более месяца мы томились в ожидании новой техники. В наше казино часто заглядывали француженки. Мы танцевали, пили пиво, флиртовали. У нас к французам не было никаких предубеждений. Нам казалось, и у них к нам. Я подружился с одной из девушек. Маленькая ростом, очень хрупкая, она привлекла меня своими необычайно большими красивыми карими глазами, смуглой бархатистой кожей и богатой копной иссиня-черных вьющихся волос. Она всегда была со вкусом одета. Мне многие пилоты завидовали, называя ее маленьким чертенком. В танце она была горяча и обольстительна. Ее гибкое тело, словно змея, выскальзывало из рук. Звали ее Сара. Так я

узнал, евреи могут быть не только врагами, что еврейские женщины – чрезвычайно страстные и преданные любовницы.

Наконец начала поступать новая техника. Прибыли более совершенные самолеты CL3a. Это были небольшие бипланы с двумя рулями высоты, оснащенные мотором «Аргус» мощностью 185 лошадиных сил и развивавшие скорость 165 километров в час. Машина оказалась исключительно маневренной и хорошо вооруженной. На ней стояли два пулемета, один из которых имел устройство синхронизации стрельбы через пропеллер, благодаря чему огонь могли вести и летчик, и наблюдатель. Этот самолет впервые позволял нам, летчикам-разведчикам и корректировщикам артиллерийского огня, вступать в воздушный бой с истребителями противниками.

В первый же вылет мне здорово повезло. Когда мы уже возвращались на базу, над самой линией фронта нас догнали два французских самолета и взяли в коробочку. Французы смеялись и показывали мне руками следовать за ними. Мой напарник, не раздумывая, пулеметным огнем буквально распилил пополам один из самолетов. Затем я прыгнул в штопор, вышел из него, сел на хвост другому и расстрелял его из своего пулемета. Это был мой первый открытый воздушный бой. После посадки сердце мое от счастья выпрыгивало из груди.

Этот удачный осенний день оказался для меня просто счастливым. Вечером командир нашего авиаотряда капитан Эрхард Мильх зачитал приказ о производстве меня в офицеры с присвоением звания лейтенант, а затем в числе других мне вручили Железный крест второго класса. Счастье переполняло меня. В нашем казино мы устроили самую настоящую попойку. А затем всю ночь у меня была Сара.

Берлин. 3 мая 1945 года

Около десяти часов утра из Берлина на имя заместителя председателя Совета Народных Комиссаров и наркома внутренних СССР Л.П. Берия поступила шифрограмма об обнаружении трупов Геббельса и его жены. Берия сразу же позвонил Сталину. Тот не выразил никакой заинтересованности и ответил, что еще ночью ему об этом сообщили маршал Жуков и генерал Абакумов. Берия был взбешен. В тот же день в Берлин с полномочиями координировать работу всех советских спецслужб самолетом был направлен первый заместитель наркома внутренних дел СССР генерал-полковник Серов, еще 22 апреля назначенный заместителем командующего 1-м Белорусским фронтом по делам гражданской администрации в Германии.

А в это время контрразведчики 3-й ударной армии вели работу в сохранившихся помещениях имперской канцелярии. Информации было много. В ночь с 1 на 2 мая в ходе попытки прорыва нескольких групп из фюрербункера, а также в самом бункере были задержаны бригадефюрер СС Вильгельм Монке, отвечавший за оборону правительственного квартала, адъютант генерала Вильгельма Бургдорфа подполковник Вейсс, капитан Карнау, гауптштурмфюрер СС Мансфельд, штурмбаннфюрер СС Поппен, оберштурмфюрер СС Райсер и целый ряд других офицеров охраны Гитлера.

Третьего мая были задержаны вице-адмирал Ганс-Эрих Фосс, ответственный за связь гросс-адмирала Дёница с Гитлером, оберштурмбаннфюрер СС, начальник лазарета рейхсканцелярии Вернер Хаазе и оберштурмбаннфюрер СС, врач лазарета Эрне Гюнтер Шенк, руководитель отдела радиовещания Министерства пропаганды Ганс Фритцше.

Офицеры полковника Грабина в центральной части Берлина захватили адъютанта Гитлера штурмбаннфюрера СС Отто Гюнше и личного камердинера фюрера штурмбаннфюрера СС Хайнца Линге, а также самую молодую секретаршу Гитлера Гертруду Юнге. И, конечно, большим успехом Грабина стало задержание 3 мая в пивной «Шульдхейс» близ вокзала Монхаузералле начальника личной охраны Гитлера группенфюрера СС Ганса Йогана Раттенхубера, раненного в ногу.

Из сведений, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий и допросов, выяснилось, что около двух часов ночи 2 мая несколько групп высокопоставленных чиновников, генералов вермахта и СС во время отвлекающей контратаки частей СС и шести танков предприняли прорыв из имперской канцелярии. Очевидцы с уверенностью утверждали о гибели в ходе прорыва штандартенфюрера СС Бетца, заместителя личного пилота Гитлера, адъютанта Гитлера и начальника управления личного состава вермахта генерала Бургдорфа, связного рейхсминистра иностранных дел Риббентропа с фюрером бригадефюрера СС Вальтера Хевеля, бригадефюрера Хейгля, заместителя Раттенхубера, оберштурмбаннфюрера СС Шедле, командира личного эскорта Гитлера.

Офицеры-контрразведчики составили, хотя и неполный, список лиц, чья судьба пока была неизвестной. В него вошли рейхсфюрер молодежи Артур Аксман, личный шофер Гитлера оберштурмбаннфюрер СС Эрих Кемпка, группенфюрер СС и шеф гестапо Генрих Мюллер, помощник Геббельса Вернер Науман, заместитель Гитлера по партии рейхслайтер Мартин Борман, личный пилот фюрера группенфюрер СС Ганс Баур и секретарша Гитлера Герда Кристиан.

Савельев допрашивал механика гаража гауптштурмфюрера СС Шнайдера. Лейтенант Сизова, успевшая к тому времени немного отдохнуть, помыться и переодеться, выглядела весьма привлекательно. И, хотя работы было невпроворот, майора и всех его офицеров охватило приподнятое настроение. Все понимали: победа на пороге. Ни ужасающие развалины Берлина, ни устойчивый запах гари и цементной пыли, ни пугающие мысли о неизвестном будущем, – ничто не могло омрачить душевного состояния возрождения и весны. Савельев с улыбкой наблюдал, как Сизова хлопотала над двумя гильзами от снарядов, наполненных водой. Она с любовью расставляла в них ветви неведомо откуда взявшейся сирени и что-то мурлыкала себе под нос.

Шнайдер, впервые наблюдавший русских офицеров в чистой выглаженной форме, в начищенных до блеска сапогах, в мирной и спокойной обстановке, сам расслабился и попросил у майора разрешения закурить.

– Если мне не изменяет память, 29 апреля позвонили в гараж из секретариата Гитлера и велели весь бензин, имевшийся в гараже, направить в фюрербункер. Вскоре пришли эсесовцы во главе с оберштурмфюрером Райсером и забрали десять двадцатилитровых канистр с бензином. Они же прихватили и все факелы, которые я хранил на случай вывода из строя системы электроснабжения.

– Вы знали, для чего все это предназначалось? – спросил Савельев.

– Я узнал только на следующий день. В гараж забежал мой шеф и личный водитель фюрера Эрих Кемпка. Он что-то лихорадочно искал. В большой кожаный рюкзак сложил хранившиеся у нас гранаты, запасные магазины для автомата, что-то еще. Потом сказал мне, что фюрер и его супруга покончили с собой, а их трупы сожжены. Больше я Кемпка не видел. Похоже, он с другими бонзами удрал в тот же день.

Зазвонил телефон. Савельева вызывал старший лейтенант Заверьянов, офицер его группы, внизу, в бункере, разбиравший с переводчиками захваченные документы.

– Товарищ майор, – голос его звенел, – у нас тут такое! Прошу вас, спускайтесь скорее. Мы детей мертвых нашли.

– Сейчас буду. – Майор отдал приказ находившемуся в помещении офицеру: – Немедленно возьмите с собой задержанных немецких медиков и нашего врача. Все бегом вниз.

В квадратной комнате фюрербункера, входившей в апартаменты рейхсминистра пропаганды и его жены, в кроватках лежали шестеро детей, укрытых байковыми солдатскими одеялами. Пять девочек и мальчик. Они казались живыми, просто спящими. Только странный густой румянец покрывал их лица.

Первыми, вслед за Савельевым, в комнату вошли не медики, а адмирал Фосс, вызванный на допрос, в сопровождении лейтенанта и двух автоматчиков.

– Чьи это дети, адмирал? – спросил Савельев. – Вы их знали?

– Это дети Геббельсов. – Адмирал весь обмяк и непроизвольно опустился на стоявший стул. – Они еще вчера утром играли со мной в карты.

Сизова вместе с офицерами – контрразведчиками привела врачей Хаазе и Шенка, а также указанного ими еще одного врача лазарета штурмбаннфюрера СС Гельмута Кунца.

Врачи подтвердили, что это дети Йозефа и Магды Геббельс. Им в лазарете делали прививки, они получали там витамины. Кунц в присутствии своих коллег был вынужден признаться в том, что он принимал участие в умерщвлении детей. В грязной эсесовской форме, небритый, всклокоченный Кунц то и дело нервно вытирал тыльной стороной ладони лицо, щелкал суставами пальцев, тяжело вздыхал.

– Поздно вечером двадцать седьмого апреля я возвращался из буфета бомбоубежища после ужина. В коридоре меня остановила фрау Магда Геббельс и попросила зайти к ней в комнату. Она сказала, что с минуты на минуту все закончится. Война проиграна. Германия окажется под жестким оккупационным режимом антигитлеровской коалиции. Страну ждут позор и унижение. Немцев превратят в рабов России, Англии и Америки. Миллионы ни в чем не повинных людей будут переселены в разрушенные нашими войсками районы России, Франции, Польши и на Балканы для рабского труда. – Кунц говорил с трудом, задыхаясь в сыром помещении бункера. От предложенной папиросы отказался, сказав, что никогда в жизни не курил.

– Фрау Магда уверяла, что не может позволить захват русскими детей Геббельса. Их судьба в большевистской неволе будет страшна и мучительна. Она твердо потребовала от меня помочь ей в умерщвлении детей.

– И вы дали согласие?! – вскрикнула лейтенант Сизова, нарушив протокол допроса. – Как вы могли? Вы! Врач? – Она своими кулачками растирала хлынувшие по ее щекам слезы.

– Лейтенант, – вскипел Савельев, – прекратите!

Подоспевший старшина Кухаренко по-отечески обнял за плечи Сизову, вздрагивавшую всем телом в нервном припадке, тихонько вывел ее в коридор. Место переводчика занял капитан Зуев, прибывший с группой усиления из Главного управления контрразведки Смерш. Великолепно владевший немецким языком, Зуев вместе с Савельевым продолжил допрос:

– И вы дали согласие?

– Нет, не сразу. Я уговаривал ее передать детей под защиту Международного Красного Креста. Но она ничего не ответила. И мы расстались. Вечером 1 мая я был вызван в кабинет рейхсминистра Геббельса. Там же находилась и его супруга. Геббельс заявил, что его дети не могут попасть в руки русских. Он принял решение об их смерти.

– Прошу уточнить, кто конкретно сказал вам о необходимости умертвить детей, Геббельс или его жена? – потребовал Савельев.

– Геббельс... «Вы согласны помочь нам в этом?» – спросил Геббельс. Что я мог ответить? Да, я дал согласие. Но я предупредил их, что лично убивать детей не стану. Геббельс в ответ только кивнул головой. Затем мы все вместе вошли в комнату, где в кроватках, одетые в одинаковые пижамы, уже лежали дети. Увидев меня в белом халате, они испугались, и стали натягивать одеяла на головы. Фрау Магда ласково обратилась к ним:

«Дети! Доктор должен сделать прививки. Здесь очень сыро. Вам нельзя простужаться. Это совсем не больно». Она, а затем и Геббельс обняли и поцеловали детей. Я сделал каждому ребенку инъекцию морфия. Пожелав им спокойной ночи, мы втроем вышли из спальни. Я предупредил Геббельсов: минут через десять – пятнадцать дети уснут. «Могу ли я быть свободным?» – спросил я у рейхсминистра. Ответила фрау Магда: «Если у вас не хватает воли, идите и пришлите сюда доктора Штумпфеггера». Я выполнил ее указание. Вместе со Штумп-

феггером, личным врачом фюрера, фрау Геббельс вложила раздавленные ампулы с цианистым калием во рты спящих детей. После этого я ни Геббельсов, ни Штумпфеггера больше не видел.

Воспоминания счастливого человека

Восемнадцатый год пролетел, словно одно мгновение. Весной меня перевели в 204-й авиаотряд разведки, которым командовал капитан Эрхард Мильх. История этого перевода такова. Мильх пользовался большим уважением высшего командования как исключительно грамотный офицер Генерального штаба и талантливый организатор, но, как и большинство авиационных командиров, он сам не летал. Однако его любовь к авиации общеизвестна. Кроме того, он слыл крайне тщеславным человеком и считал, в его подразделении должны служить лучшие фронтовые летчики. Это я уже потом понял, насколько Мильх был дальновидным и мудрым человеком. Собирая к себе в отряд самых толковых военных летчиков, он сохранил, таким образом, костяк германской авиации.

Однажды утром командир нашей эскадрильи, всеми нами любимый капитан Гефнер, собрал пилотов в офицерском казино и представил нам капитана Мильха. Молодой, красивый, франтоватый Мильх, заложив руки за спину, прошелся вдоль строя, внимательно всматриваясь в лица летчиков и оглядывая их награды. Затем из большой стопки наших личных дел, заранее приготовленных Гефнером и разложенных на столе, он взял одну папку, раскрыл ее, что-то внимательно прочитал и зычным командным голосом выкликнул:

– Лейтенант Баур! Выйти из строя.

Я с выпученными от удивления глазами строго по уставу вышел из строя, лихо щелкнул каблуками, высоко поднял голову и прижал ладони к бедрам. Мильх медленно оглядел меня с ног до головы, вновь взял мое дело и стал читать. Закончив, произнес:

– М-да! Это же я вам вручал Железный крест?

– Так точно, господин капитан! – рявкнул я в ответ.

Затем он что-то шепнул на ухо капитану Гефнеру. Тот скомандовал разойтись.

Когда мы остались втроем, Мильх без всяких предисловий заявил:

– Лейтенант! Я вас забираю с собой. Будете воевать в моем отряде.

Гефнер возмутился:

– Капитан! Как мне вас понимать? Баур – один из лучших моих летчиков. Я не позволю! Кроме того, я не получал на этот счет никаких указаний.

– Вскоре получите, – буркнул Мильх.

– Этого не будет никогда! – продолжал кипятиться Гефнер.

Мильх подошел ко мне и попросил подождать за дверью. Капитаны на повышенных тонах какое-то время вели дискуссию и в заключение до меня донеслись слова Мильха:

– Капитан Гефнер! Хватит нести вздор. Пора бы понять, что будущей Германии нужны лучшие летчики.

Дверь отворилась, и мне велели войти. Совершенно расстроенный Гефнер сидел за столом и уныло глядел в окно. Затем он встал, подошел ко мне, положил руки на мои плечи и, глядя мне в глаза, сказал:

– Дорогой Ганс! Мне искренне жаль. Да, очень жаль. Я любил тебя. И нам всем будет тебя не хватать. Но капитан Мильх, видимо, прав. Я желаю тебе чистого неба и хороших посадок. Будь умницей, не хулигань в воздухе. Оправдывай и далее свое почетное прозвище Пустельга, полученное от твоих боевых коллег. Удачи тебе. – Он пожал мне руку, схватил охапку личных дел и порывисто выскочил в коридор.

Тут следует пояснить. В эскадрилье за мной действительно закрепилось прозвище Пустельга. Как мне объяснили друзья, во-первых, я был самым низкорослым пилотом, а пустельга – самый маленький представитель отряда соколиных. Во-вторых, мой боевой стиль

они сравнивали с полетом и охотой пустельги, которая настигала свою жертву незаметно и на огромной скорости.

Мильх оказался крутым, но очень справедливым командиром. Дисциплина и порядок в его отряде держались железными. Никаких задержек в снабжении горючим и боеприпасами, никаких проблем с запчастями. Летный и технический состав был обмундирован и обут с иголочки во все новое. Питание отличалось разнообразием. В еде никого не ограничивали никакими нормами. Но и требования предъявляли высокие. Я впервые столкнулся с задачей беречь самолет. До этого мы всегда руководствовались приказом начальства о том, что главное – это пилот. А самолеты построят новые. У Мильха было иначе. Главное – это мозги пилота. Будут мозги, будет цел и самолет. Я быстро усвоил эту истину.

Отряд Мильха отличался самыми незначительными потерями летного состава и техники на всем Западном фронте. И это притом, что в бою летчикам приходилось сражаться с противником, превосходившем по численности в пять, а то и в десять раз. Уже после первых полетов я понял, с какими асами мне бок обок удостоилось служить и воевать.

В отряде имелось одиннадцать исправных самолетов. Из них девять легких, маневренных и скоростных бипланов «Альбатрос D-V» и два цельнометаллических моноплана новейшей конструкции «Юнкерс-CL-1» с меньшей скоростью. Мне доверили «юнкерс», и я не пожалел. Кабина машины изнутри была обшита стальными листами, защищавшими летчика и наблюдателя. До конца войны эта послушная и надежная машина служила мне верой и правдой.

Лето выдалось по-настоящему жарким. Мы ежедневно совершали по пять-шесть разведывательных вылетов или корректировали огонь артиллерии. Бои становились все тяжелее. Французские, английские, американские и канадские истребители буквально как мухи облепляли нас в воздухе. Но мы дрались отчаянно. Однажды в середине июля во время боевого вылета меня атаковали пятнадцать английских истребителей

«Бристоль Скаут». Такого боя нам, конечно, было не выдержать. Я предусмотрительно набрал высоту и плавно скрылся в облаках. Когда мы оттуда вынырнули, англичане исчезли, но внизу, под нами километрах в двух впереди, шла шестерка французских истребителей «Спад 17». Они нас не видели. Я показал своему наблюдателю, что мы атакуем, что я выбрал левую тройку французов, а он должен стрелять по правой. Напарник поднял руку в знак понимания, и мы бросились в атаку.

Этот бой мне показался вечностью, хотя длился всего чуть более пяти минут. Первой пулеметной очередью я поджег третий с краю истребитель. Он, объятый пламенем, разваливаясь на куски, стал быстро падать. Не ожидавшие подвоха противники растерялись. Я тут же сбил второй истребитель, а мой напарник третий. В тот момент, когда французы опомнились и стали разворачиваться в нашу сторону, мы сбили еще два истребителя. Затем догнали последний. Сверху сели ему, как мы говорили, на горб, и стали прижимать к земле, направляясь в сторону нашего аэродрома. Француз пытался маневрировать, бросая машину то влево, то вправо. Но мы упорно прижимали его все ниже и ниже, подстегивая пулеметным огнем вдоль самолета. Наконец, он смирился и послушно под нашим конвоем пошел к нам на аэродром.

Встречали нас все пилоты и техники, находившиеся на аэродроме. Среди них и капитан Мильх. Вначале я кратко доложил ему результаты боевого задания и обстоятельства боя. Затем подвели французского летчика. Им оказался моего роста молодой черноволосый капитан с двумя орденскими колодками на черном комбинезоне. Он с удивлением оглядел меня, протянул мне руку, крепко ее пожал и сказал, обращаясь к Мильху, на хорошем немецком языке:

– Я искренне завидую вам, капитан, что у вас еще есть такие асы, как этот молодой человек. В одном бою сбить пять самолетов противника и шестой взять в качестве приза – это многого стоит! Если он выживет, у него будет большое будущее.

Лицо Мильха растянулось в довольной улыбке, и он весело подмигнул мне. Я был вне себя от счастья.

После двухчасового отдыха, дозаправки самолета и пополнения боезапаса мы вновь вылетели на задание. Миновав линию фронта, стали осуществлять разведку артиллерийских позиций противника. Минут через сорок после взлета я увидел, что с запада в нашу сторону приближается группа самолетов. Я решил не рисковать и стал уходить обратно за линию фронта. Но это оказались все те же английские скоростные истребители «Бристоль Скаут». Их было девять. Они легко нас догнали и взяли в чистую коробку. Мы летели так минут десять. Англичане махали нам руками, улыбались, что-то весело кричали, показывали бутылки с виски, давая понять, что скоро вместе выпьем. Мне это надоело. Надо было выкручиваться. И я придумал.

Я взял дымовую шашку, выдернул кольцо и бросил ее назад, в кабину пилота-наблюдателя. Конечно, моему коллеге пришлось совсем не сладко. От дыма он начал задыхаться. Но не растерялся. Нашел шашку на дне кабины и выбросил ее за борт. Этой минуты мне оказалось достаточно для того, чтобы внести смятение в ряды врага и принять единственное правильное решение.

Англичане подумали, что наш самолет загорелся и, объятый клубами дыма, падает вниз. Две их машины, конвоировавшие нас снизу, быстро ушли в сторону, освободив мне спасительный путь. Я повел самолет в штопор, вышел из него далеко позади и выше противника. И тут же скрылся в облаках. Когда же мы из них вышли, я увидел, как англичане рыщут в поисках пропавшей германской машины, так и не упавшей на землю. Они разбились на тройки и шли на разных высотах. Я решил еще раз рискнуть и сверху атаковал ближайшую тройку. Первый самолет я сбил сразу. Второй, поврежденный моим напарником, резко развернулся и врезался в третий, шедший справа от него и чуть сзади. Обе машины взорвались и рухнули вниз. И тут я понял, нужно удирать во весь опор. За нами гнались не только шесть оставшихся англичан, но и неизвестно откуда взявшиеся четыре французских «спада».

Пули щелкали по обшивке, словно град. До аэродрома оставалось не более семи километров. Обидно было погибнуть уже на своей территории. И тут пришло спасение. Встречным курсом торопилась шестерка наших «альбатросов». Они врезались в строй англичан. Рев моторов, треск пулеметов, куски обшивки и каркасов машин, раскрывшиеся внизу купола парашютов, совсем недавно принятых на вооружение, – все это осталось в моей памяти навсегда. Такого ожесточенного боя я еще никогда не видел.

Теперь я не мог остаться в стороне от своих товарищей и ринулся им помогать. Я и мой наблюдатель сбили еще два самолета, и вышли из боя, только израсходовав весь боезапас. Противник потерял восемь машин. Все же наши самолеты благополучно вернулись на аэродром. За этот бой я был награжден Железным крестом 1-го класса.

Берлин. 3 мая 1945 года

Поздно вечером в штабе 3-й ударной армии генерал-лейтенант Вадис собрал совещание с руководителями управления контрразведки Смерш 1-го Белорусского фронта, отделов контрразведки армий и корпусов и оперативно-розыскных групп. Молодой, красивый брюнет с пышной шевелюрой, изрядно располневший Вадис кратко проинформировал о результатах поиска Гитлера и главных руководителей Рейха, поставил задачи на ближайшую неделю.

– В ходе оперативно-розыскных и следственных действий наших сотрудников за период с 28 апреля по сегодняшний день мы имеем следующую картину:

во-первых, собрана некоторая информация о самоубийстве Гитлера и его жены Евы Гитлер, в девичестве Браун, однако реальных фактов, подтверждающих это, нет, их трупы не найдены, есть ряд косвенных подтверждений, основанных на противоречивых показаниях свидетелей;

во-вторых, установлен факт самоубийства Геббельса и его жены Магды Геббельс, в девичестве Квандт; их трупы обнаружены, имеются акты об обнаружении трупов и их опознании, а также протоколы допросов опознавателей;

в-третьих, обнаружены трупы шестерых детей Геббельсов: дочерей Хельги, Хильды, Хольды, Хедцы, Хайды и сына Хельмута, умерщвленных своими родителями при помощи врачей лазарета рейхсканцелярии, что подтверждено актами об обнаружении и опознании, а также протоколами допросов опознавателей детей;

в-четвертых, установлены факты самоубийств начальника Генерального штаба сухопутных войск, генерала Кребса и начальника управления личного состава вермахта и главного адъютанта Гитлера генерала Бургдорфа, трупы которых обнаружены, акты об обнаружении и опознании имеются, протоколы допросов опознавателей тоже;

в-пятых, задержана группа высокопоставленных военных и гражданских лиц, находившихся в бункере Гитлера; среди них наиболее значимыми фигурами являются начальник личной охраны Гитлера группенфюрер СС Раттенхубер, вице-адмирал Фосс, командующий обороной имперской канцелярии и всего центра Берлина бригадефюрер СС Монке, адъютант Гитлера штурмбаннфюрер СС Гюнше и секретарша Гитлера Юнге, личный камердинер Гитлера штурмбаннфюрер Линге, с ними проводятся следственные мероприятия.

– В-шестых, – в голосе Вадиса зазвучали металлические нотки, – установлено, что заместитель Гитлера по партии Борман, начальник гестапо группенфюрер СС Мюллер, руководитель гитлерюгенда Аксман, личный пилот Гитлера группенфюрер СС Баур, личный шофер Гитлера Кемпка и личный врач Штумпфеггер в ночь с 1 на 2 мая исчезли из бункера в неизвестном направлении. – Он бросил тяжелый взгляд в сторону полковников МIRONЕНКО и Грабина. – По этому факту необходимо серьезно разбираться как с командирами стрелковых полков, участвовавших в штурме канцелярии, так и с офицерами контрразведки, прошляпившими уход этих фашистов.

Слово попросил полковник МIRONЕНКО. Вадис недовольно поморщился, но разрешил.

– Товарищ генерал-лейтенант. Вы сами знаете о накале боев вокруг имперской канцелярии. Все наши офицеры сражались в составе штурмовых групп. Трое погибли, одиннадцать человек ранены. Контрразведчики первыми ворвались в здание. – МIRONЕНКО не заметил, как стал горячиться и стал переходить на чуть повышенный тон. – Мы не располагали ни сведениями об оставшихся в рейхсканцелярии, ни нормальными картами города, ни техническими схемами и планами канцелярии, метро, городской канализации. Кроме туристических планов Берлина, у наших людей ничего на руках не было. Так при чем же здесь командиры стрелковых полков и наши оперативники? За такую работу людей награждать надо, а не наказывать.

Генерал уважал МIRONЕНКО, ценил его профессиональную работу, тот стиль опытного военного разведчика, который полковник привнес в военную контрразведку. Сам его выпросил в штабе фронта в сорок третьем из разведуправления, когда вместо особых отделов НКВД в армии были созданы органы военной контрразведки Смерш, подчинявшиеся непосредственно Верховному главнокомандующему. Тогда крайне не хватало кадров с военным, особенно разведывательным опытом. Многие бывшие особисты НКВД, ставшие кадровой основой военной контрразведки, плохо знали разведывательный потенциал противника, не имели представления о его технологиях, и поэтому с трудом выстраивали контрразведывательные механизмы. Дров тогда наломали много. Да и в войсках к ним относились по инерции с боязнью, но без уважения. Именно такие армейские офицеры-разведчики, как полковники МIRONЕНКО и Грабин, майор Савельев, заново создавали систему военной контрразведки.

Вадиса, несмотря ни на что, такой демарш задел. Но ссориться не хотелось. Впереди была огромная работа. И делать ее предстояло сидящим перед ним людям. Он пошел на попятную, соблюдая лицо:

– Полковник Мироненко пытается защитить мундир. Но он забывает, что мы носим одну форму. Никого из наших офицеров я в обиду давать не собираюсь. Но прошу помнить, расслабляться никому не позволю. А награды будут, когда Гитлера найдем.

Довольный собой, Вадис продолжал:

– В-седьмых, до сих пор мы ничего не знаем о судьбе Гимmlера, Геринга, фельдмаршала Кейтеля, генерала Йодля, Кальтенбруннера, Шеленберга, гитлеровских министров. Итак, в сухом остатке у нас практически только установленный факт гибели Геббельса и его семьи, ряд косвенных доказательств смерти Гитлера и Евы Браун. Да достаточно большое количество задержанных, имеющих, видимо, важные сведения.

Ближайшие задачи следующие: полковнику Грабину и его людям усилить розыскные мероприятия, продолжать интенсивные допросы задержанных. Стремиться к выявлению места захоронения Гитлера, если путем перекрестных допросов мы убедимся в факте гибели Гитлера. Собирать информацию по крупицам, перепроверять ее многократно. Выстроить всю хронологию событий в бункере Гитлера по часам и, по возможности, по минутам с 28 апреля по 2 мая включительно. Систематизировать все обнаруженные в бункере и захваченные у пленных документы.

Офицерам управления, отделов контрразведки армий, корпусов и дивизий активизировать фильтрационно-проверочные действия среди военнопленных, захваченных в Берлине. Искать специалистов-врачей, когда-либо причастных к обследованию и лечению Гитлера и Евы Браун. Составлять подробные досье на этих людей и стремиться к их задержанию. Начальнику четвертого отдела управления подготовить за моей подписью письма – запросы об имеющихся фактах задержания лиц из ближайшего окружения Гитлера к руководителям органов контрразведки американских и британских войск, соприкасающихся с частями и соединениями советских войск в полосе нашего фронта. О чрезвычайных обстоятельствах докладывать немедленно. О результатах работы – дважды в сутки.

Почувяв завершение совещания, офицеры попросили разрешение закурить. Вадис, убежденно некурящий человек, снисходительно дозволил:

– Травитесь. Мало на фронте здоровья потеряли. И вот еще, товарищи офицеры. Все должны понимать особую ответственность, которая на нас возложена Верховным командованием и руководством ГУКР⁹. Генерал Серов на правах заместителя командующего фронтом стал серьезно закручивать гайки. Мы вынуждены ему представлять ежедневные отчеты о работе. Им образованы оперативные районы НКВД в Берлине на правах районных отделов. Активно укомплектовываются штаты сотрудниками центрального аппарата наркомата и его территориальных органов. В места сбора военнопленных прибывают оперативники ГУПВИ НКВД¹⁰.

Есть сведения о том, что по линии НКВД и НКГБ¹¹ также будут проводиться, а возможно, уже проводятся, оперативно-розыскные мероприятия по факту смерти Гитлера. Прошу, нет, требую от вас выдержки и деликатности. В конфликты с сотрудниками НКВД и НКГБ не вступать. Никаких документов им не предоставлять. Пленных передавать органам ГУПВИ НКВД только по завершении с ними работы нашими офицерами. Обо всех фактах возникшей напряженности докладывать мне незамедлительно.

Воспоминания счастливого человека

Как-то в конце октября 1918 года капитан Мильх вызвал меня к себе в кабинет, закрыл дверь на ключ и полупшепотом произнес:

⁹ ГУКР – Главное управление контрразведки Смерш Наркомата обороны СССР (примеч. авт.).

¹⁰ ГУПВИ НКВД – Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР (примеч. авт.).

¹¹ НКГБ – Наркомат государственной безопасности СССР (примеч. авт.).

– Ганс! Я возвращаю тебя обратно в эскадрилью Гефнера. Вот твои документы, – он протянул мне запечатанный пакет.

– Я чем-то провинился, господин капитан?

– Нет, мой мальчик. Ты отличный летчик и толковый офицер. Дело совсем в ином. Война со дня на день прекратится. Нашу часть перебрасывают в Данциг. Таким образом, на востоке будет базироваться один из лучших германских авиационных отрядов. Но вот на западе и юге Германии по плану командования не предусмотрено размещение серьезных боевых воздушных частей. Эскадрилья капитана Гефнера возвращается в Баварию. И теперь я ему помогаю в укреплении ее опытными пилотами. Ты станешь его заместителем. Я возлагаю на тебя большие надежды. Что бы ни произошло, не впадай в панику. Жди приказа. Мы еще с тобой, Пустельга, покажем, как умеют драться германские асы.

Я прибыл в Седан, где размещалась моя прежняя эскадрилья, девятого ноября, как раз в день окончания войны. Капитан Гефнер был искренне рад возвращению своего лучшего летчика. Он поздравил меня с присвоением звания обер-лейтенанта, назначением на должность его заместителя и награждением баварским орденом Военных заслуг четвертого класса, очень ценным офицерами.

На следующий день, первый день мира, мне поручили организовать перегон наших самолетов через Трир и Дармштадт в Баварию, на авиабазу в Фюрте. Там и должна произойти демобилизация эскадрильи. Настроение неважное. Все переживали за будущее страны, за свою судьбу. Стоял густой туман. Я контролировал погрузку имущества эскадрильи на шесть оставшихся самолетов. Техники и солдаты в мокрой от сырости одежде, работали спустя рукава. Офицеры подходили ко мне и жаловались на то, что солдаты стали грубить в ответ на замечания летчиков о необходимости тщательного крепления груза на самолетах. Я просил офицеров не волноваться и потерпеть. Скоро будет демобилизация. И мы постараемся расстаться в первую очередь с теми, кто забыл о присяге и нарушает уставы.

К полудню туман рассеялся. Грузенные военным скарбом самолеты начали взлетать. Как ведущий пилот эскадрильи, я взлетал последним, и мои коллеги, ориентируясь на два моих флажка, закрепленных на рулях высоты, должны были пристроиться ко мне. Но, как оказалось, ни уже взлетевшие летчики не могли присоединиться ко мне, ни я к ним. Грузовые ящики с амуницией, которыми обвешали мой самолет, были плохо закреплены. Сразу после взлета они сорвались с болтов и завалились на закрылки. Самолет перестал меня слушаться. Я не мог управлять элеронами и хвостовым оперением. Не мог набрать высоту. Машина теряла скорость. Она двигалась рывками и рыскала то вверх, то вниз. С трудом перелетев рошу, я выключил двигатель и постарался спланировать на относительно ровный участок земли. Самолет плюхнулся брюхом на незамеченный мною кустарник, самортизировал от него и перевернулся. Нам с моим наблюдателем повезло. Мы оба вылетели из кабины и не пострадали.

Подъехал капитан Гефнер. Велел мне плюнуть на самолет и все нагруженное на него барахло. Он достал пистолет-ракетницу и выстрелил в бензобак самолета. Приехав в Трир, мы узнали, что ни один наш самолет до Фюрта не долетел. Из-за тумана все были вынуждены совершить аварийные посадки. Так завершилась история моей боевой эскадрильи.

Ночью наша колонна прибыла в Фюрт. Ни одна скотина из местных военных и гражданских властей нас не встречала. Я узнал, что в здании ратуши заседал образованный какими-то людьми совет рабочих и солдатских депутатов. Вокруг здания слонялись без дела распоясанные солдаты и неизвестно откуда взявшиеся матросы с красными бантами на груди. Они с недоумением рассматривали нашу форму. Им было невдомек, что это за воинское подразделение такое тут объявилось. Все офицеры и унтер-офицеры одеты и обуты словно щеголи. Я им сделал замечание, почему они не отдают честь офицерам. Вначале они растерялись и стали отдавать мне честь. Но один матрос, что был помоложе и понаглее других, примкнул к своей винтовке штык и обратился к подельникам:

– Товарищи! Давайте этого плюгавого офицеришку поднимем на штыки и вынесем на городскую свалку. Пусть там голодные псы над ним потешатся.

Так, видимо, и произошло бы. Но я и два моих спутника, старший унтер-офицер и оберфельдфебель, автоматически выхватили из кобур свои пистолеты и направили на зарвавшихся мерзавцев. Должен сказать, что если бы начал стрелять только один я из своего могучего трофейного автоматического кольта «М-1911А1» сорок пятого калибра, от этих «товарищей» мало бы что осталось. Они это поняли и отступили. Один из них остался охранять вход в ратушу, предупредительно отвернувшись от нас, другие скрылись в здании.

Я, еще находившийся в возбуждении, с возмущением рассказал капитану Гефнеру о случившемся. Я требовал от него приказа наказать бунтовщиков. Гефнер, будучи по своей натуре человеком мягким и неконфликтным, ответил мне, пряча глаза:

– Ганс! Оглянись вокруг. Империя рушится. В стране революция. Выжить в таких условиях сможет только тот, кто это признает как данность, либо тихо переждет сложные времена.

– Я не понимаю вас, господин капитан. Мы с вами давали присягу кайзеру и Германии. – Я не заметил, как начал переходить на повышенный тон. – Мы воевали за кайзера и Германию. Мы с вами офицеры. Как же мы можем позволить, чтобы всякая дрянь глумилась над государственным флагом рейха, чтобы угрожала расправой представителям законной власти. Я требую, чтобы вы отдали приказ об аресте этого незаконного совета, а заодно и этих дезертиров.

Гефнер скрестил руки на груди, повернулся ко мне спиной и, глядя в окно на ненастное ноябрьское утро, ответил:

– Обер-лейтенант Баур! Приказа не будет.

– Тогда, капитан Гефнер, будет мой приказ. – Я развернулся на каблуках и направился к двери.

– Стойте, Баур. Вся ответственность ляжет на вас. Меня от этого увольте.

Я не ответил. Вышел и громко хлопнул дверью. Я договорился с некоторыми, на мой взгляд, верными государству офицерами и унтер-офицерами восстановить в Фюрте законный порядок. Нас собралось более двадцати человек. Мы взяли со склада карабины, два ручных и один станковый пулемет, гранаты, патроны и строем отправились к зданию ратуши. Я приказал окружить здание и с тремя самыми надежными людьми вошел в помещения, где располагался совет.

Охрана с красными бантами, увидев нас, до зубов вооруженных, мгновенно куда-то исчезла. В зале заседаний находились члены совета. По-моему, они совещались круглосуточно и никуда не выходили. Я объявил им, что совет распущен, его члены должны через пять минут покинуть ратушу, а еще через час убраться из Фюрта. Один из членов совета, пожилой господин с благородной седой шевелюрой, встал и вызывающим тоном заявил:

– Вы, молодой человек, совершаете крупную ошибку. Вы покушаетесь на представителей законно избранной власти. Расплата наступит незамедлительно. Вы будете расстреляны.

Мне не хотелось вступать в дискуссию. Я просто объявил:

– Если через пять минут кто-то останется, он будет арестован и предан суду военного трибунала. Время пошло. – Я демонстративно показал им мои ручные часы.

Советская власть в городе была низложена таким образом за считанные минуты. Обербургомистр вновь приступил к исполнению своих обязанностей. Жители Фюрта благодарили меня и моих коллег за восстановление порядка и спокойствия.

Берлин. 4 мая 1945 года

Утром Савельев велел старшине Кухаренко собрать группу. Два десятка офицеров, в том числе и переводчицы, с напряжением ожидали указаний майора. Савельев с улыбкой оглядел свое воинство. Все одеты в выглаженную форму и при наградах. Сапоги блестят как тульские

самовары. А у некоторых девушек, в том числе у лейтенанта Сизовой, слегка, хотя и не по уставному, подкрашены губы.

– Ну что, потаенное войско? – Савельев с улыбкой оглядел личный состав. – Не пора ли нам прогуляться по вражеской столице? Засиделись небось по бункерам да подвалам? Родным и друзьям сказать-то не о чем будет. А еще, мол, Берлин брали. Сейчас семь ноль-ноль. Два часа на променады, и вновь за работу. Ну, так как, вперед?

Все с воодушевлением поддержали предложение командира, весело и одобряюще загалдели. Девушки бросились целовать Савельева. Через минуту все его лицо было покрыто следами от губной помады.

– Товарищи офицеры! – взволнованно воскликнул старшина Кухаренко. – А как же завтрак? Я ведь только собрался на кухню. Завтрак ведь – дело святое. Товарищ майор! Может, погодим малость?

– Нет, старшина, – Савельев уже направился на выход, – не погодим. Потом поедем. Натощак гулять легче. Ты, вот что. Возьми с собой отделение автоматчиков. На всякий случай. Охранять наших героев.

Вчера в Берлине шел дождь. После него многие пожары поухили. Дождь прибил страшную пыль, но усилил запах гари. Город, особенно его центральная часть, лежал в руинах. Не было видно ни одного целого здания. А сохранившиеся кое-где фасады сиротливо чернели оконными проемами. Улицы превращены в нагромождения битого кирпича, бетонных осколков, искореженного металла, развороченного асфальта. Повсюду сожженная и подбитая немецкая и советская техника, изуродованные трамваи. Кругом воронки, воронки, воронки.

Вся компания вначале отправилась осматривать Рейхстаг. Изувеченное бомбами и снарядами здание, исклеванное огнем стрелкового оружия, украшенное алым стягом на уцелевшем остове купола, все равно сохраняло остатки былого величия. На ступеньках примостились множество бойцов. Одни просто сидели и курили. Другие перематывали обмотки. Некоторые спали, подложив под голову скатки шинелей или вещмешки. Три бойца импровизировали на трофейных губных гармошках. На них никто не обращал внимание. Над всем этим скопищем людей, пришедших в Берлин со всех уголков Страны Советов, выживших в самой страшной и кровавой бойне в истории человечества, витал дух неимоверной усталости. Осознание победы, радость мира придет завтра. Сегодня они просто отдыхали от долгого и тяжелейшего труда.

Стены Рейхстага были густо исписаны победителями. Надписи имелись всякие. Много и нецензурных.

– Что о нас подумают немцы после этого? – с грустью заметил капитан Вершинин. Савельев с любопытством оглянулся.

– Ты что имеешь в виду, капитан? Руины?

– Нет, товарищ майор. Война она и есть война. Немцы это хорошо понимают. Я о хамстве и унижениях населения. – Он указал на надписи отборной матерщиной в адрес немцев.

– Ты прав. Негоже так. Но и их, брат, понять нужно. Вспомни, что немцы оставили у нас в стране.

Потом вся группа направилась в сторону Бранденбургских ворот. Непроизвольно отстав, заглядевшись на чудом сохранившийся памятник, Савельев услышал рядом: «Один из замечательных памятников конца восемнадцатого века. Архитектор Лангханс». «Таким тоном говорят экскурсоводы», – подумал он и обернулся. За его спиной стояла Сизова и смущенно улыбалась.

– А откуда вы это знаете, товарищ лейтенант?

– Я, товарищ майор, на третьем курсе в университете на студенческой конференции делала доклад о памятниках Берлина XVIII–XIX веков. – Они вдвоем не спеша стали догонять товарищей.

– Мой доклад понравился. После конференции ко мне подошла со вкусом одетая незнакомая дама и предложила в свободное от учебы время поработать экскурсоводом в Наркомате иностранных дел. Обслуживать официальные делегации из Германии и Австрии. Так я оказалась в разведке.

Майор впервые разговаривал с Сизовой во внеслужебной обстановке. «Интересно, – подумал он, – мы на фронте скоро уже два года вместе, а я практически ничего не знаю об этой симпатичной девушке. Я не знаю, сколько ей лет. Даже имени ее вспомнить не могу. Никогда не было времени ознакомиться с ее личным делом». То, что она прекрасный переводчик, великолепно владевший военной терминологией, знают во всей контрразведке фронта. Его начальство неоднократно пыталось забрать Сизову то в корпусной, то в армейский отдел. Но она исхитрилась всеми немыслимыми способами остаться в дивизии, в отделе Савельева. То заболит. То сбегала к полковым разведчикам на допрос языка. А однажды, когда в очередной раз за ней приехали из штаба армии, она намазалась выпрошенным у артиллеристов пушечным салом, и вся покрылась аллергической сыпью. По ранее достигнутой ею договоренности с главврачом медсанбата, был поставлен диагноз: тиф. Больше ее не трогали.

Савельеву она нравилась. Он думал о ней. Скучал без нее в отлучках. А как только вновь встречал, начинал придираться. То форма ее не по уставу ушита. То прическа вызывающая. То тараторит во время допросов, то слишком медленно переводит. Она все терпела.

– Товарищ майор. А я знаю, о чем вы думаете.

– И о чем же?

– Вы думаете: майор Савельев! Идешь ты по поверженному Берлину, к которому стремился четыре года. Весна. Дышится легко. Рядом с тобой молодая и, в общем, симпатичная девушка. Вместе с ней исколесили мы фронтовые дороги Белоруссии, Польши и Германии. Под бомбежками, под артобстрелами не раз бывали. И отступать приходилось, и наступать. Куском хлеба делились. А я ведь даже имени ее не знаю.

Савельев остановился и, густо краснея, пристально поглядел на лейтенанта. Она была серьезна. В глазах усталость и грусть. Перед ним стояла вовсе не ветреная девушка, а молодая и красивая женщина с изломанной войной судьбой, с истерзанной душой. Любящая, долго и терпеливо ожидающая взаимности от этого вот здорового, сильного и умного мужика.

– Лена меня зовут. Елена Владимировна. Для вас просто Лена. И лет мне двадцать шесть. Родом из Москвы. – Она резко отвернула лицо в сторону и незаметно попыталась смахнуть пилоткой покотившиеся по щекам слезы.

Савельев заметил. Ком подкатил к горлу. Ему хотелось ей много объяснить, сказать что-то доброе, ласковое. Не смог. Только насупился и продолжал молча идти.

– А я про вас много знаю, Александр Васильевич. Можно мне вас так называть пока мы гуляем, вне строя, так сказать?

Савельев согласно кивнул головой.

– Вам тридцать два года. Родом из Ленинграда. Закончили физический факультет университета, потом аспирантуру. Но диссертацию защитить вам не дали. Направили в разведку. Затем финская война. Отец ваш, Василий Александрович, известный хирург. Долго преподавал в Военно-медицинской академии. Сейчас в Мурманске главным хирургом флотского госпиталя. Мама ваша, простите меня, умерла в блокаду.

– Откуда вам это все известно? – спросил Савельев. – Окопное радио донесло? Или мое личное дело читали?

– Нет, что вы? Испорченным телефоном никогда не пользовалась. Но я ведь тоже в разведке служила. Это вы меня в сорок третьем оттуда силком в Смерш затащили.

– Это как понять? – Савельев совсем был обескуражен.

– Да так и понимайте. – Сизова чуть выскочила вперед, развернулась на левом каблуке, остановилась и, глядя прямо в глаза Савельеву, выпалила:

– Влюбилась в вас, дура, с первого взгляда. И ничего с собой поделывать уже не могла.

Они были в начале Унтер-ден-линден. Их окликнул повар полевой кухни, раздававший еду мирному населению в соответствии с приказом генерала Берзарина, первого коменданта Берлина. Повар, облаченный в накрахмаленную белую тужурку, в лихо заломленном поварском колпаке и державший в левой руке черпак с длиннющей ручкой, правой отдал офицерам честь и прокричал:

– Товарищ майор! Товарищ лейтенант! Отведайте горяченькой пшенной кашки с отечественной, а ни какой-то там трофейной тушенкой. Объединение!

Огромная очередь берлинцев с любопытством глядела на молодую русскую пару в офицерской форме и учтиво расступилась перед ними.

– Послушай, гвардеец. А удобно ли? – неуверенно спросил Савельев. Но есть очень хотелось.

– А что тут неудобного, товарищ майор? От двух мисок немцы, чай, не похудеют. – И он доверху навалил горячей и душистой каши в две оловянные миски, воткнул туда ложки и подал Савельеву и Сизовой. – Кушайте на здоровье. Только миски и ложки верните.

Примостившись на станинах подбитой немецкой противотанковой пушки, наши герои с огромным удовольствием и молодым аппетитом, заговорщицки переглядываясь, весело уплетали замечательную кашу.

Воспоминания счастливого человека

Наступило тревожное время революционного хаоса. В ноябре 1918 года Бавария была провозглашена республикой. Баварский король без сопротивления оставил свой трон и 13 ноября освободил от присяги всех баварских чиновников, полицию, офицеров и солдат. Кайзер Вильгельм II сбежал за границу. Большинство офицеров и унтер-офицеров с удовлетворением приняли новую власть и согласились ей служить. В газетах публиковали заявление лидера баварского офицерского собрания генерала барона фон Шпайделя о том, что офицеры, «осознавая свой долг, окончательно и искренне переходят на службу народному государству».

Мне все это было крайне противно. Но необходимо было жить и помогать своим родителям. Поэтому и я, скрепя сердце, принял новую присягу. В нашей эскадрилье остались офицеры и унтер-офицеры. Солдаты демобилизовывались. Поэтому караульную службу поочередно несли все. Гефнер сохранил командирский пост, а меня с должности его заместителя сняли по доносу кого-то из сослуживцев (не Гефнера ли?). Майор, приехавший из Мюнхена разбираться с этим делом, нагло заявил мне, что я отъявленный монархист и мракобес. И что при повторении жалоб на мое вызывающее поведение я буду немедленно изгнан из армии, а возможно, и отдан под суд. Я дал себе слово этой власти не служить. Вернее, делать вид, что служу. На самом же деле, бороться против нее любым способом. Вскоре такой случай представился.

В январе 1919 года приказом военного министра Баварии Шнеппенхорста и с санкции наблюдателей стран Антанты была учреждена военная авиационная почта. Я, не раздумывая, подал рапорт о зачислении меня пилотом в новую службу. В ответе Военного министерства говорилось, что мой опыт и знания рассматриваются как важный фактор при отборе кандидатов. Однако требуются рекомендательные письма от командиров и наиболее известных пилотов Германии.

Я немедленно написал письмо Мильху в надежде получить от него рекомендацию. К Гефнеру обращаться не стал. Каково же было мое удивление, когда меня вызвали в министерство, и военный чиновник объявил о зачислении меня летчиком в военную почту по рекомендации весьма уважаемых военных: Эрхарда Мильха, Рудольфа Гесса и Германа Геринга. Конечно, Геринга знали все. Это был один из лучших военных летчиков, настоящий асс, герой войны. О капитане Гессе я слышал и знал, что он являлся большим энтузиастом воздушного дела.

И еще о нем говорили как об одном из активистов мюнхенского Союза борцов Туле, объединившем равнодушных к проблемам Германии баварцев, в том числе офицеров. Я направил благодарственные письма всем трем рекомендателям, особенно подчеркнув, что всегда готов быть к услугам коллег-офицеров. Только потом я понял, какую роль сыграли рекомендации. Из пятисот претендентов отобрали всего шесть человек.

Оккупационные власти Антанты передали нам десять выдавших виды машин «Румплер С-1» и два скоростных «Фоккера D-7». Мне поручили маршрут на Веймар, где недавно была провозглашена республика взамен кайзеровской монархии. Я ежедневно доставлял курьерскую почту и газеты для Мюнхена. Так продолжалось до 7 апреля. Рано утром стало известно, что в ночь с 6 на 7 апреля Бавария провозглашена Республикой Советов. Правительство Иоганнеса Хофмана, избранное в Нюрнберге в середине марта, признало советский строй. Как раз в тот день, 7 апреля, комендант аэродрома в Фюрте фельдфебель Кох объявил нам, летчикам, что в городе вновь установлена советская власть и мы обязаны лететь в Мюнхен за деньгами для городского совета.

Все летчики отказались сотрудничать с этой властью и лететь в Мюнхен. Кох, красный как рак, заорал:

– Вы все уволены! Катитесь к черту, проклятое офицерье. – Он как ошпаренный бросился к казарме, вывел оттуда взвод революционных солдат с красными бантами и приказал им взять под охрану самолеты и не подпускать к ним контрреволюционных пилотов. В этот же день я покинул Фюрт и уехал в Мюнхен.

С вокзала я отправился прямо домой. Мама, увидев меня на пороге, крепко обняла и, горячо целуя мое лицо, шептала:

– Мой дорогой. Мой любимый. Моя радость и надежда. Живой. Невредимый.

Пока я переодевался в гражданское платье, она громче обычного гремела на кухне посудой. Потом зашла ко мне в комнату и смущенно сказала:

– Ганс. С продуктами стало трудно. Мне неудобно перед тобой, но могу предложить только картофельный суп с брюквой на костном бульоне и жареный картофель.

– Дорогая моя мама. – Я обнял ее и, дурачась, заявил: – Обер-лейтенант Баур готов к принятию той пищи, которая доступна в военное время.

В этот момент в комнату вошла моя младшая сестренка Хильда, родившаяся весной 1918 года, когда я находился на фронте. Во время моего приезда в отпуск она была совсем крохотная. Малышка пугливо глядела на незнакомого мужчину и крепко прижималась к матери. Мама взяла ее на руки и сказала:

– Хильда. Это твой старший брат. Он самый лучший сын и брат на свете. Люби его, как я люблю вас.

Я раскрыл свой багаж и стал доставать подарки. Первый достался Хильде. Это была плюшевая коричневого цвета собачка с большим алым бантом на шее.

– Хильда, это тебе, – я протянул игрушку сестре. Она схватила игрушку и крепко прижала ее к груди. Родственный контакт был установлен.

Матери я подарил французские духи, пудру и прекрасного покроя шерстяной жакет, который мне помогла выбрать Сара. Мама вне себя от радости пустилась со мной в вальсе по комнате.

– Ты самый внимательный и галантный мужчина из всех, кого я знаю. Я тебе выберу лучшую невесту в мире. – Мама сейчас была красива как никогда. Я отдал ей десять банок американской свиной тушенки, несколько банок французского паштета из гусиной печени, большую жестяную коробку испанских сардин в оливковом масле, огромный кусок соленого шпика и четыре круга эльзасской копченой колбасы с чесноком. В придачу к этому я достал коробку горького шоколада, выдававшегося нам, летчикам, и целую батарею напитков: бутылку доминиканского рома, янтарного цвета, две бутылки шотландского виски, две бутылки красного

сухого вина из Шампенуаза и большую бутылку крепкого португальского портвейна. Для отца я привез коробку настоящих гаванских сигар. Это были трофеи, доставшиеся нам из армейских французских и английских складов, захваченных нашими войсками во Франции и Бельгии. Мать с удивлением воскликнула:

– Мой бог! Как ты все это дотащил, Ганс?

– На такси, мама.

– Ты стал мотом. Я знаю, что все офицеры моты. Но сегодня нужно быть экономным.

Пока я обедал, мама рассказала последние новости. Франц был ранен на Восточном фронте. Но, слава богу, легко. Пуля из русской винтовки попала в правое плечо и вышла, не задев кости. Сейчас он в госпитале в Цинтене, неподалеку от Кёнигсберга. Он уже обер-ефрейтор, командир отделения в саперной роте, и в госпитале сам кронпринц вручал ему Железный крест 2-го класса. Я похвалил брата и успокоил мать:

– По всей видимости, его скоро демобилизуют, и он вернется домой.

– Мария работает на швейной фабрике Заура. Они шьют военную форму. Она на хорошем счету, и поэтому ее повысили. Она работала старшей закройщицей, а теперь мастером участка. И зарплату существенно повысили. Мария стала такой красавицей. Просто загляденье. Продолжает заниматься бальными танцами. От кавалеров прямо отбоя нет.

– Какие сейчас кавалеры, мама? Небось одни военные?

– Не скажи, дорогой мой, не скажи. За ней ухлестывает Макс Лерге, молодой инженер. Он работает на электростанции. Очень воспитанный, симпатичный и состоятельный молодой человек. Его отец – один из крупнейших конезаводчиков Германии. Он держит ипподромы в Нюрнберге, Дюссельдорфе и Дармштадте. Говорят, он сильно нажился во время войны на поставках в армию лошадей-тяжеловозов для артиллерии. Мария сказала, что он хозяин горного шале в Австрии и шикарного летнего дома на Балтийском море близ Ростока. Макс и Мария были бы чудесной парой.

– Не рановато ли, мама, Марии замуж? Пусть погуляет.

– Нет, мой милый Ганс. Марии пора замуж. Да и нам с отцом будет полегче.

– Как отец? – Я перевел разговор с неприятной мне темы о замужестве сестры. Неприятной потому, что я был не готов к тому, что моя любимая сестра и лучший друг выросла и стала молодой женщиной. Я ревновал ее ко всем. Я считал ее своей собственностью. И делиться ни с кем не желал.

– Отец работает там же, в городском почтовом управлении. Зарплата маленькая, а работы много. Он стал чаще болеть. Врачи говорят, что у него воспалена печень. Но он никого не слушает и продолжает каждый день пить пиво. – Мать села на стул, нервно теребя полотенце, грустными глазами поглядела на сына. – Может, хоть ты его убедишь. Если с ним что случится, что я без него буду делать? Как проживу? Кто меня с маленьким ребенком на работу возьмет?

– Мама, успокойся. Все будет нормально. Я поговорю с отцом. Будем его лечить. А за себя и за Хильду не волнуйся. Твой сын все же летчик. Мы проживем.

Вечером мама устроила настоящий пир. Отец и Мария были рады подаркам. Отцу я привез канадскую летнюю куртку на медвежьем меху, а Марии четыре пары самых модных американских чулок. До полуночи наша дружная семья не могла разойтись ко сну. Жаль, с нами не было Франца.

Берлин. 4 мая 1945 года

День выдался сумасшедший. Приехал Грабин и лично участвовал в допросах.

– Савельев! А где это ты был со своими гвардейцами с утра пораньше? – Спросил полковник. – Я вот и позавтракать у вас успел. Кстати, прибудет Вадис. Он тоже хочет присутствовать при допросах.

Грабин с лукавинкой в глазах посматривал на Савельева и Сизову, с излишней суетливостью раскладывавшими бланки и стопочки чистой бумаги. Пока Савельев собирался с мыслями, Сизова пробуркала:

– Гуляли мы, товарищ полковник.

– Это как понять, лейтенант? – у Грабина брови встали домиком.

– А вот так и понимайте. Товарищ майор всю группу на экскурсию по Берлину водил. В целях изучения, так сказать, оперативной обстановки и закрепления на местности навыков поиска потенциального противника. – Сизова хорошо знала, что Грабин любит и уважает ее командира. Поэтому иногда позволяла себе подобные вольности.

– Сизова, – прошипел майор, – прекратите паясничать.

– Молодец, лейтенант. В обиду командира не давай. – Хотя Грабин и улыбался, у него был такой уставший вид, что Сизовой вдруг захотелось его пожалеть и наговорить кучу ласковых слов. Она даже рот уже открыла. Но передумала, увидев, как Савельев из-за края стола показал ей кулак.

Первым допрашивали штурмбаннфюрера СС Гельмута Кунца, зубного врача имперской канцелярии. Он был молод, хорош собой, по его холеному и нагловатому лицу гуляла еле уловимая тень презрения. Грабин это заметил. Когда были заданы формальные вопросы об имени, годе и месте рождения, образовании, родственниках, звании, членстве в НСДАП, он спросил:

– С какого времени вы служили при имперской канцелярии?

– С осени сорок четвертого года я работал в санитарном управлении СС в должности помощника главного зубного врача. Весной этого года меня перевели в гарнизонный госпиталь Берлина. А когда 23 апреля госпиталь был эвакуирован из города, я был направлен в имперскую канцелярию, так как там не было зубного врача.

– Раньше вы бывали в имперской канцелярии? У вас был туда допуск?

– Нет, раньше я никогда там не бывал.

– Странно, – Грабин сделал удивленное лицо, – вы не имели допуска, и вас вдруг назначают в святая святых Рейха? Как вы можете это объяснить?

– Ранее я лечил фрау Геббельс. Видимо, это стало главным мотивом моего назначения. Но лучше бы оно не состоялось.

– Почему? Что вас разочаровало? Плен? Так рано или поздно плен был неминуем.

– Нет, господин полковник. Плена я не боюсь. Никому ничего плохого я не сделал. Я врач. Вся жизнь я только лечил. Я был потрясен убийством детей Геббельсов. И окончательно разочаровался в людях.

– Кого вы имеете в виду?

– Рейхсминистра Геббельса и его супругу, фрау Магду.

– Вы общались с Гитлером, находясь в рейхсканцелярии?

– Нет.

– У нас есть сведения, что вы присутствовали на приеме у Гитлера по случаю награждения медицинских работников. Как вы там оказались и кто присутствовал на приеме?

– В ночь с 29 на 30 апреля я со своими коллегами врачами находился в офицерском казино. Оно размещалось над фюрербункером. Около двух часов мне позвонил по телефону начальник госпиталя рейхсканцелярии профессор Хаазе. Он сообщил, что фюрер приглашает весь персонал госпиталя к себе для награждения отличившихся медработников. Награждение, правда, уже состоялось накануне в самом госпитале. Ордена от имени фюрера вручал его адъютант штурмбаннфюрер СС Гюнше.

– Кто присутствовал на приеме?

– Начальник госпиталя, оберфюрер СС, профессор Хаазе, главный врач госпиталя, штандартенфюрер СС, профессор Шенк, медсестры Линдхорст, Флегель, Червинска и еще одна, фамилию которой не помню. Фюрер вышел из своих апартаментов в коридор, где мы его ждали.

Профессор Хаазе представил ему нас. Награжденные поблагодарили фюрера. Гитлер, в свою очередь, поблагодарил их за службу и сразу удалился в свои покои.

– Что произошло с Гитлером?

– О самоубийстве фюрера я узнал утром 1 мая от фрау Геббельс, к которой был вызван по телефону. Она сказала мне, что фюрер покончил с собой. Никаких подробностей она не сообщила.

– Не кажется ли вам, Кунц, очень странным то обстоятельство, что, постоянно находясь в имперской канцелярии, вы ничего не можете сообщить о смерти Гитлера? Я вам настоятельно советую сотрудничать с нами. Отказ или стремление утаить факты только усугубит ваше положение. Не забывайте, что на вас форма офицера СС.

– Господин полковник, поверьте, я говорю лишь то, что наверняка знаю со слов фрау Геббельс и начальника охраны фюрера группенфюрера СС Раттенхубера. – Угроза Грабина подействовала. Кунц собрался, выпрямился, делая вид готовности к продуктивному разговору.

– Что вы слышали от Раттенхубера?

– Он утром 1 мая в присутствии многих офицеров в столовой сказал, что фюрер покинул нас, труп его сожжен в саду рейхсканцелярии.

– Так сколько было трупов: один или два? Кунц, вы что, уснули?

– Вместе с фюрером покончила жизнь самоубийством его жена, фрау Ева. Мне известно от фрау Геббельс, что накануне их самоубийства они поженились. Вечером 30 апреля фрау Ева пригласила личного пилота фюрера, группенфюрера СС Баура, профессора Хаазе, двух секретарш фюрера и меня к себе на чашку кофе. Она нам сказала, что фюрер и она решили покончить с собой. Фюрер считает, что нет смысла жить, так как все немцы, особенно его бывшие соратники Геринг и Гиммлер, предали его. Умирать будет легко. Сильнодействующий яд апробирован на собаке. Фрау Ева была явно взволнована. Ее щеки горели.

– Какие еще подробности о смерти Гитлера и его жены вы можете сообщить?

– Абсолютно никаких. Я сказал все, что знаю. Поверьте мне, господин полковник. – Кунц стал нервничать. Его глаза искали поддержку то у Савельева, молча сидевшего рядом с полковником и что-то периодически записывавшего в блокнот, то у молодой и красивой лейтенанта-переводчицы. Майор, оторвавшись от блокнота, неожиданно спросил:

– Куда исчез профессор Шенк?

– Профессор Шенк и ряд медсестер приняли участие в прорыве вместе с группенфюрерами Раттенхубером и Бауром. Дальнейшая их судьба мне неизвестна.

В этот момент дверь открылась, и на пороге появился генерал-лейтенант Вадис с выражением лица, ничего хорошего не обещавшим. Конвойные быстро увели Кунца. Лейтенант Сизова тоже вышла за дверь. Вадис тяжело дышал. Вытер огромным клетчатым носовым платком лицо и шею. Со вздохом уселся на стул и спросил:

– Ну, голубчики, что накопили? – Он бегло просмотрел протокол допроса и выдал: – Вижу, что ни хрена не накопили. Похоже, закапывать будут нас.

Воспоминания счастливого человека

Началась массовая демобилизация армии, а с ней и массовая безработица. Цены росли астрономическими темпами, как и падала покупательная способность населения. Мюнхен стал похож на растревоженный муравейник. Повсюду собирались толпы людей. Это были или огромные очереди в продуктовые магазины, или какие-то нескончаемые митинги и демонстрации то ли в поддержку новой советской власти, то ли против нее. Я с трудом разбирался во всем этом коловороте событий. Улицы были разукрашены небывалым количеством знамен, флагов, транспарантов, портретов каких-то совершенно незнакомых личностей.

По улицам ходить стало небезопасно. Военные патрули «Советов» днем и ночью проверяли документы у офицеров и праздно шатающихся демобилизованных солдат. Лидеры новой

власти страшно боялись заговоров и военных мятежей. Тюрьмы города были переполнены так называемыми «контрреволюционерами» и просто подозрительными, с точки зрения «Советов», личностями. Меня выручало удостоверение летчика военной почтовой авиации Баварской Советской республики, которое я не сдал в Фюрте.

Набирала силу уголовная преступность. Газеты пестрели сообщениями о дерзких нападениях на полицейских и военных с целью завладения оружием, о налетах преступных групп на продовольственные и вещевые склады, магазины, лавки. Однажды сообщалось о настоящем бое, развернувшемся вокруг городского арсенала. Охрана и полиция не смогли сдерживать натиска бандитов, которые прорвались на территорию арсенала и вынесли более тысячи револьверов, пятьсот винтовок и карабинов, несколько станковых и ручных пулеметов, сотни тысяч патронов и множество ручных гранат. Вывезли они все это добро на захваченных там же грузовиках и отобранных у полиции патрульных автомобилях. У меня, правда, возникло большое сомнение по поводу криминального авторства этого налета. Здесь чувствовалась рука скорее профессионального военного, хорошо знакомого с тактикой пехотного боя, чем какого-то атамана пусть даже большой и наглой банды.

Но, самое главное, я не ведал своего служебного положения. Рапорта об увольнении я не писал. Приказа об увольнении на руки не получал. Мой визит в кадровое управление Военного министерства закончился безрезультатно. Военный чиновник в чине капитана с порога наорал на меня:

– Что вы все тут болтаетесь без дела? Совершенно распустились в этом хаосе. Идите и служите.

На мой вопрос, куда, собственно говоря, идти служить, капитан в истерике закричал:

– Вон! Вон отсюда! Мальчишка!

Настроение от всего это было пасмурное. Я физиологически ощущал противный холодок внизу живота. Чувство неопределенности своего положения, неизвестность ближайшего будущего, непонимание многих явлений и событий угнетали и выматывали всю душу. А главное, не с кем было посоветоваться. Милых далеко. Почте я не верил. Как всегда самый дельный совет дала мама. Однажды утром за завтраком, когда отец и Мария уже ушли на работу, мама, кормя Хильду, сказала:

– Дорогой Ганс! Если не знаешь, что тебе сейчас делать, не делай ничего. Денег у нас пока достаточно. Проживем. Отдохни. Сходи на рыбалку. Развейся на природе. Ты ведь, по сути, уже несколько лет нормального отдыха не видел.

Идея с рыбалкой мне показалась заманчивой. Я поблагодарил мать за совет и отправился к старому школьному другу Йозефу Дитцу, слывшему заядлым рыбаком. Тот снабдил меня удочкой, подсажником, садком, снастями, рассказал, где накопать лучших червей, у кого купить самых жирных опарышей, где на Изаре, городских прудах и пригородных озерах самые уловистые места.

– Запомни, Ганс. Самое главное – прикормка. Не будешь прикармливать, останешься без рыбы. А прикормка по нынешним временам вещь не дешевая.

За бутылку шотландского виски я выменял на военном продовольственном складе у знакомого фельдфебеля пять килограммов перловой крупы. Наварил каши, добавил в нее мелко рубленные картофельные и брюквенные очистки, окропил все это рапсовым маслом. Получилась отличная прикормка. Купил опарышей, накопал банку червей и ранним утром, когда вся семья досматривала последние сны, отправился на рыбалку на Генрих Манн аллею, где от Изара на северо-восток исходил Изар-канал.

Погода стояла самая благоприятная для рыбалки. Было тепло, но солнце скрылось за высокой облачностью. Я облюбовал местечко у старой ивы, чьи ветви раскинулись далеко над водой. Забросил сетку с прикормкой, предупредительно положив в нее булыжник для огрузки, и, насадив на крючок пару опарышей, закинул удочку. Каков же был восторг, когда минут через

пять с глубины чуть меньше метра я выудил прекрасную плотву весом граммов в двести. А затем с интервалом в пять – семь минут плотва пошла одна за другой. Часам к девяти утра в моем садке было больше двадцати рыбин. Затем клев прекратился.

В азарте я и не заметил, как на берегу появились рыбаки. Главным образом это были мужчины немолодого возраста. Кто ловил на удочку, а кто забросил на середину канала донки с множеством крючков. Я пошел посмотреть на рыбацкое счастье коллег. Все доброжелательно показывали свою добычу. А она была весьма солидная и разнообразная. У тех, кто ловил на удочку, в основном были плотва, окуни и густера. Те же, кто ловил на донку, с гордостью показывали золотистых язей, толстобочих лещей с темной полоской по хребту и жирных, извивающихся в ведрах, угрей. Из разговоров я понял, что постоянный успех обеспечен тем, кто использует разные снасти и насадки. А главное прикормку.

К тринадцати часам я вернулся домой на нашу уютную и зеленую Дуденштрассе в районе Миттер Зендлинг. Мама, увидев улов и взвесив его на безмене, была поражена. Вышло почти семь килограммов крупной и свежей плотвы. Вся семья была обеспечена ужином из отменной жареной рыбы.

Несколько дней подряд я приносил домой довольно порядочный улов. Кроме плотвы там были лещи, язи, окуни, густера. Мама варила рыбный суп, жарила рыбу, пекла с нею пироги, делала чудесное заливное. Но самым вкусным были мамины рыбные котлеты. В полуголодном городе свежая рыба была деликатесом.

В один из дней, вернувшись с не менее успешной рыбалки, я обнаружил на столе в своей комнате конверт, запечатанный сургучной печатью. Мама сказала, что его принес солдат и велел передать обер-лейтенанту Бауру лично в руки. Я с волнением вскрыл конверт и прочитал:

«Дорогой господин обер-лейтенант Ганс Баур!

Как ветеран войны, рад приветствовать Вас, прославленного ветерана и боевого летчика. Баварский союз офицеров-ветеранов и общество Туле поручили мне войти с Вами в деловой контакт. Если не возражаете, буду ждать Вас завтра, 11 апреля, в 16.00 в пивной “Кенар” на Даймлерштрассе. С уважением. Капитан Рудольф Гесс».

Я не возражал.

Берлин. 4 мая 1945 года

Вадиса вызвал к себе заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом по гражданской администрации, заместитель наркома внутренних дел и представитель Л.П. Берии в Берлине генерал-полковник Серов. С порога, не предложив присесть, он заявил:

– Ты что же, Вадис, делаешь? Думаешь, твой Абакумов тебя прикроет?

Вадис всякое ожидал, но на такой прием не рассчитывал. Он с удивлением спросил:

– Товарищ генерал-полковник. Не могу взять в толк, чем провинился.

– Врешь. Я тебя, хлыща, хорошо знаю. – Серов вышел из-за стола и стал нервно ходить по кабинету.

– Ты почему в установленный срок информацию не представляешь? Почему моих офицеров к следственным мероприятиям не допускаешь? Почему твои люди не отдают нам для снятия показаний задержанных чинов вермахта и СС? Почему твои офицеры нагло ведут себя с официальными представителями НКВД? Смотри, Вадис, не зарывайся. Лаврентий Павлович этого не любит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.